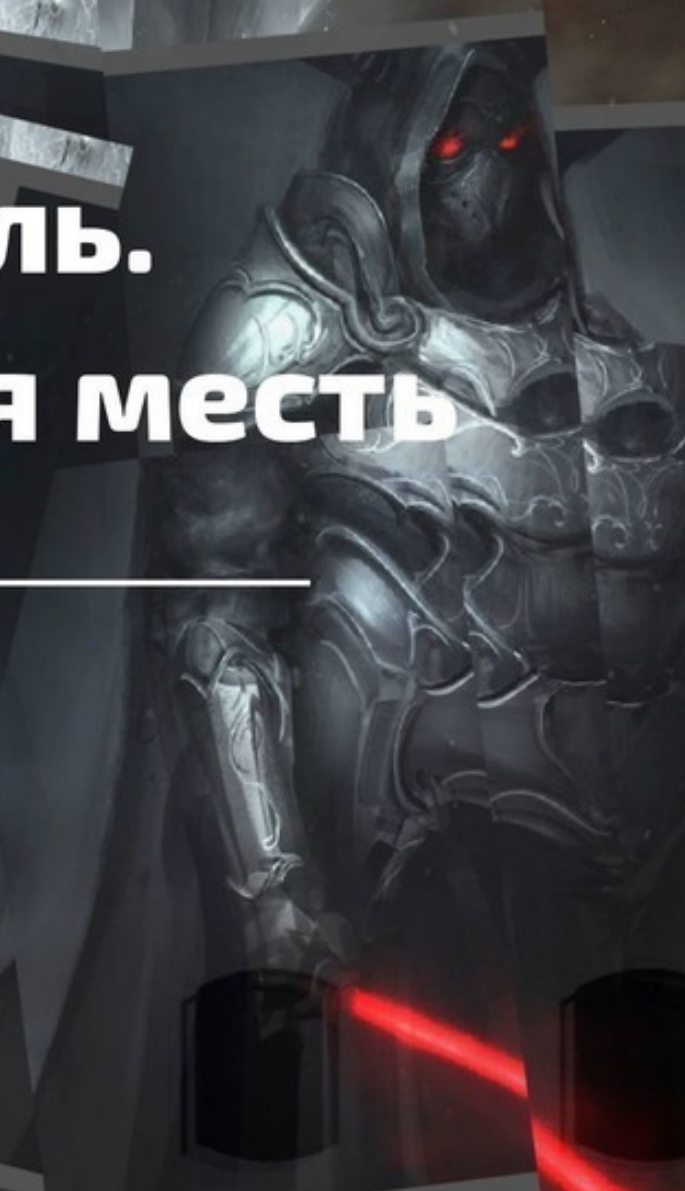
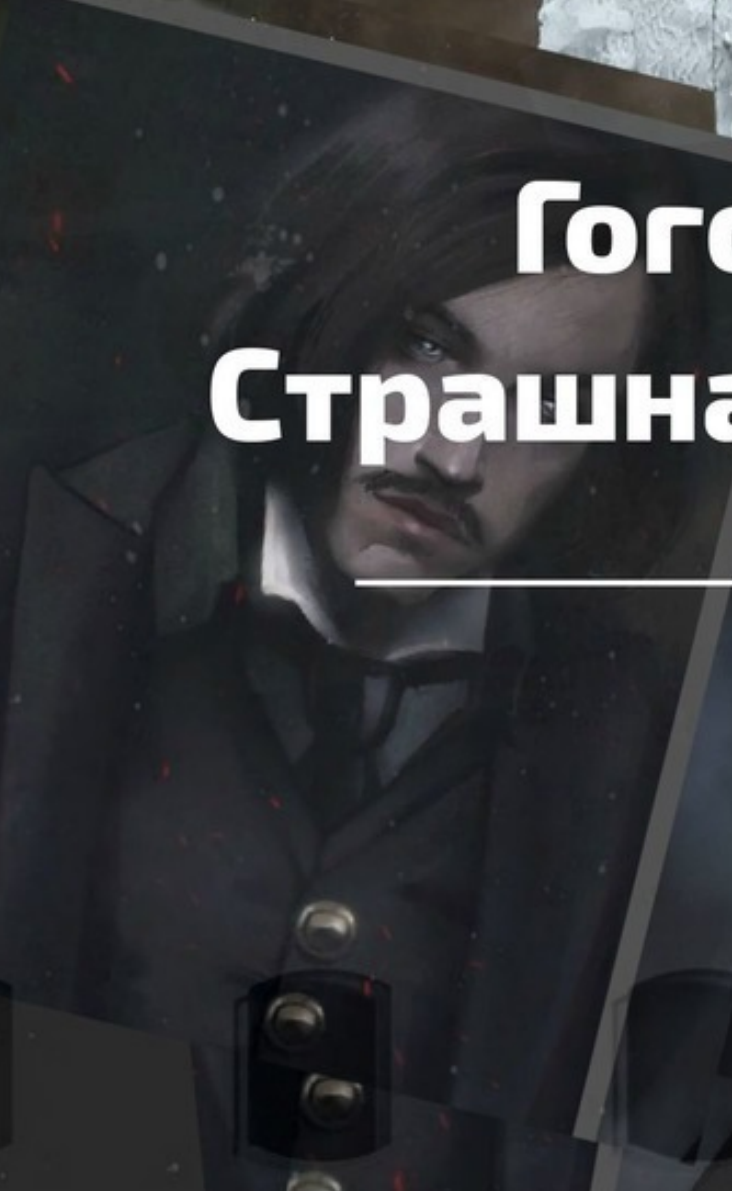

Братья
Швальнеры

Гоголь.
Страшная месть

Братья Швальнеры
Гоголь. Страшная месть

«Издательские решения»

Швальнеры Б.

Гоголь. Страшная месть / Б. Швальнеры — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930701-9

Жизнь, творчество и личность Николая Гоголя — предметы пересудов на протяжении уже почти двух столетий. Ад следовал за писателем повсюду — сам он был его исчадием, от чего страдал не только лично, но и делал мучениками ада все окружение. Череда жутких событий происходит в жизни писателя после ритуальных убийств в Диканьке и посещения им Иерусалима — и все не просто так. Сумеет ли он справиться с ужасом, в который медленно, но верно превращается его жизнь, или возложит свой крест на наследника?..

ISBN 978-5-44-930701-9

© Швальнеры Б.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Лики любви	6
Глава вторая. Петербургские тайны	16
Глава третья. Cherchez la femme	21
Доктор Сигурд Йоханссон. О семье Виельгорских и их участии в судьбе Гоголя	26
Глава четвертая. Внезапные перемены	33
Глава пятая. Четвертый всадник Апокалипсиса	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Гоголь. Страшная месть

Братья Швальнеры

*Вике Зволинской, вдохновившей нас на создание трилогии,
с любовью посвящаем*

Авторы

Иллюстратор Братья Швальнеры

Дизайнер обложки Братья Швальнеры

© Братья Швальнеры, 2018

© Братья Швальнеры, иллюстрации, 2018

© Братья Швальнеры, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-0701-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

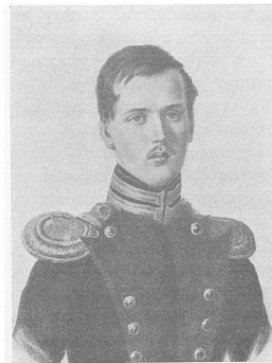
A handwritten signature in black ink, appearing to read "Н. Гоголь". The signature is stylized and cursive, with a large, looping flourish at the end.

Глава первая. Лики любви

Май 1845 года, Санкт-Петербург

Весна приходила в Петербург медленно и нехотя, все время сталкиваясь с упорным нежеланием холодной и промозглой зимы расставаться с не менее холодным и промозглым городом, стоящим на болотах, и все же к маю-месяцу, сопровождаясь грохотом гроз и потоками ливней, более или менее вошла в свои права. Однако, промозглой слякоти небесных излияний не суждено было долго грязью развозиться по земле – ледяные ветры и не менее ледяная почва быстро сделали так, что все под ногами вымерзло, оставив столичные мостовые в их первоизданном и чистом виде.

Николай Васильевич Гоголь и его друг, юный адъютант Его Императорского Высочества Иосиф Виельгорский накануне вечером были гостями на балу к княгини Зинаиды Волконской, а потому поутру проснулись с тяжелыми головами и в угнетенном состоянии духа. Обед в ресторане «Данонь» несколько улучшил их мировосприятие — и поправив здоровье неплохим шардоне, поданным с лабарданом, а также легким супом, приятели решили прогуляться по еще прохладному, но уже вполне весеннему городу, дабы освежить затуманенные с вечера головы воздушными массами, что наплывали с берегов Невы.

Иосиф Виельгорский

Николай Гоголь

Разница в возрасте между приятелями составляла почти 10 лет, однако, была не особо заметна – оба бледные, высокие, аскетичного телосложения и с тонкими усиками они походили на братьев, один из которых был чуть старше, а другой чуть младше. Разве что одна деталь во внешности при ближайшем рассмотрении выдавала расхождение – при неправильных чертах лица у Гоголя его приятель являл собой эталон мужской красоты. Аккуратные, тонкие и благородные свойства его внешности делали его притягательным и сразу говорили малознакомым людям, что перед ними человек дворянских кровей. Так и было – Виельгорский был сыном дворянина, музыканта и музыкального критика, которого знала и уважала вся столица, предоставляя своему бомонду исключительное право бывать на устраиваемых им суаре и вечеринках, чтобы блеснуть собой и покрасоваться на других. Бывал там и Гоголь, хотя дом Виельгорских стал для него давным-давно почти своим собственным, и потому и он, и юный друг его предпочитали проводить время на балах иных светских львов и львиц, недостатка в которых Санкт-Петербург не знал никогда. Так случилось и вчера, когда они вдвоем посетили их старинную приятельницу, решившую отпраздновать долгожданный приход весны пышными и роскошными ассамблеями, танцами и вином.

– Вчера, на балу у Волконской ты, кажется, оставил автограф в журнале? – спросил у друга Виельгорский, когда они поравнялись с памятником Петру. Гоголь улыбнулся – затронутая Виельгорским тема была необычайно приятна ему.

– И это не просто автограф. Это несколько строк из «Ночей на вилле».

Зинаида Волконская

«Ночи на вилле» – так называлась повесть Гоголя, посвященная Виельгорскому. От природы больной и последнее время все чаще страдающий приступами своего, крайне истощающего организм, заболевания, Виельгорский несколько недель тому назад оказался практически при смерти в загородном доме Волконской, который в узком кругу приятелей именовался

«виллой». Тогда одно только присутствие Гоголя, его еженощные бдения и старания у постели больного смогли облегчить страдания и принести то, что болезнь на какое-то время отступила, оставив юношу в покое. Впечатленный чудесным спасением друга, Гоголь написал о своих чувствах и мыслях в небольшой повести, посвященной Иосифу Михайловичу. Строки из нее вчера украсили альбом хозяйки бала, которой друзья обязаны своим знакомством.

– И, конечно, обо мне?

– Вся повесть о тебе, разве могут быть там строки о ком-то другом?

– Господи, именно поэтому, как выясняется, вчера все присутствующие смотрели на меня такими странными взглядами.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты лучше у них спроси, что они имеют в виду, когда заговорщицки подмигивают при виде нас, подобострастно улыбаются и поговаривают о неких «особенных» отношениях, от природы не свойственных мужчинам, подразумевая нас с тобой...

– Глупости и беспримерные по абсурдности светские сплетни! Неужели ты мало слышал их на своем коротком веку, чтобы всерьез пускаться в обсуждения или комментарии относительно словоблудия зевак?

– Я разделяю твою точку зрения, но все-таки тебе пора жениться.

– Уж не затем ли, чтобы избежать перемывания костей в присутствии сиятельных княгинь?

– Конечно, нет.

– А зачем тогда?

– Послушай, Николая, сколько тебе нынче лет?

– Тридцать шесть.

– Так. А сколько было обожаемому тобой Пушкину, когда он в расцвете лет волею случая покинул эту бrenную землю, прервав течение таланта, данного ему свыше, который мог бы еще сослужить добрую службу всем нам, его почитателям?

– Кажется, тридцать семь.

– Вот. Не хочешь ли ты оставить нас без твоего наследника, без продолжателя дела и рода великого Гоголя-Яновского?

– Глупости, – отмахнулся Гоголь. – Еще Шекспир говорил, что на детях великих природа отдыхает.

– Пусть так, но классик твоего уровня, писатель мировой величины все же не имеет права уйти по-английски.

– Напекаешь, что я скоро умру?

– Ничуть. Просто сейчас – самое подходящее для тебя как для мужчины время подумать о семье и детях. Куда тянуть? Ты же сам отлично прописал в своей «Женитьбе», что, как только мужчине стукнет сорок, всякое желание жениться, продолжать род и вообще быть социально полезным отпадает? Не с тем ли столкнулся твой Подколесин?

Гоголь смущенно опустил взгляд и улыбнулся в усы.

– Так, молодой человек, вижу, что творчество мое вы знаете весьма сносно. И кого же посватаете мне в подруги жизни?

– Конечно, господину писателю, превзошедшему меня по разуму и по возрасту, виднее, но вот моя сестра... кхм... – Виельгорский нарочито кашлянул в кулак. – Давеча слала вам привет и горячие объятия, сожалея, что по болезни не смогла вчера посетить бал у Волконской.

– Аня?

Упоминание имени сестры Виельгорского рождало у Гоголя едва ли не более теплые эмоции, чем разговоры о нем самом. Он горячо любил эту юную, чистую и прекрасную во всех отношениях девушку, и оттого, наверное, больше не хотел портить ее жизнь и судьбу своим

в ней присутствием. В данном случае справедливо было сказать, что Гоголю и хотелось, и кололось.

– Она.

– Она достойная, прекрасная, удивительная девушка...

– Ну так что ж?

– И именно потому я уверен, что я ей не пара. Луиза никогда не даст своего согласия на наш брак.¹

– Пустое! Маменька обожает тебя и все, что ты делаешь.

– Правнучка Бирона допустит брак дочери с безродным писакой?

– Это ты-то безродный?! – справедливо возмущился Иосиф. – Что слышу я?! С каких это пор потомки рода Яновских стали так критичны к себе?

– Да, но потомок славного имени оказался уродом, без которого, как известно, не обходится ни одна семья. Меня не жалуют при дворе, и ты как аншеф-адъютант Наследника это знаешь как никто другой...

– И это пустое. Я лично представлю тебя Наследнику, вы познакомитесь, сойдется, и уверяю – все эти недоговоренности как ветром сдует. Он значительно отличается от отца, он стоит на уровне прогрессивных идей и открыт для общества людей хороших и достойных.

– А я, по-твоему, хорош и достоин?

– Как по-моему, так ты просто ангел.

– Полно...

– Ну так что? Принимаешь мое приглашение завтра составить нам компанию за обедом?

– Коли так, то охотно.

– Хотя, впрочем, в выборе тебя никто не ограничивает. Кажется, вчера на балу была еще одна весомая претендентка на твоё внимание или даже на что-то большее?

– О ком ты?

– О Хомяковой.

– Катя? Ну что ты, она ведь замужем, и мы просто друзья.

– Господин писатель все еще верит в сказки о дружбе между мужчиной и женщиной? Занятно. Хотя, впрочем, ты-то ей, быть может, и друг, а вот она смотрит на тебя совсем даже иначе.

– Ты заметил?

– Не заметит такой откровенности только слепой.

Екатерина Хомякова была сестрой поэта Николая Языкова, давнего друга Гоголя, и знала писателя едва ли не со своих детских лет. Фривольная и даже распутная юность поэта теперь дала всходы – он оказался сражен тяжелой болезнью, нейросифилисом, и часто бывал прикован к постели. Не обремененный обязательствами Гоголь чувствовал свою обязанность проводить с больным много времени – не меньше его проводила с ним сестра, Екатерина, жена писателя Хомякова. Во время этих встреч – тут Виельгорский был прав – Гоголь действительно стал ловить на себе взгляды этой прекрасной и даже роковой женщины, но никак не мог ответить на них взаимностью, считая ее действия ошибкой и не будучи не в силах переступить врожденную порядочность.

– Перестань, и слушать ничего не хочу.

– Значит, дело сделано, – удовлетворенно потер руками Иосиф. – На обед я тебя заманил, и поручение сестры можно считать исполненным?

Гоголь улыбнулся детской наивности и находчивости друга, приобнял его за плечи, и они продолжили шествие по мостовой, насквозь продуваемые невскими ветрами.

¹ Золотусский И. П., «Роман с Гоголем» // Известия, 03.02.2009.

В доме же той, о которой приятели несколько минут назад говорили – Екатерины Хомяковой – в эти минуты происходил близкий по смыслу разговор, невольными героями которого стали оба.

Екатерина Хомякова

– Ах, Алексис, – говорила супругу Екатерина Михайловна, – как жаль, что твое нездоровье не позволило тебе вчера посетить бал у Волконской, это было что-то потрясающее!

Не желавшая до последнего вступать в свои права столичная весна сыграла с поэтом злую шутку – он простудился, и не принял участие в давешней светской вечеринке. Меж тем, простуда была очень легкой и практически совсем уже отступила, а причина его уклонения от бала крылась в его собственном нежелании посещать суаре и встречаться с его завсегдатаями. Не воспользоваться же сиюминутным недомоганием, чтобы оправдать свое отсутствие на балу, было бы для предпочитавшего тишину и покой поэта преступлением.

– И что же потрясающего ты видишь в подобных встречах?

– Ну главным образом людей, конечно. Вчера вот, например, Николая с Иосифом там встретились... Ах, Николая, он просто прекрасен! Устроил нечто вроде благотворительных чтений своего «Ревизора» в пользу бедных! Местные нувориши собрали неплохую кассу, так что он не лишний раз подчеркнул свою полезность и значимость для общества. И конечно, свой тонкий и блистательный ум. Ах, как все же замечательно прописаны в его бессмертной пьесе образы наших заворовавшихся чиновников и глупейших купцов! Ну кто еще...

– А с кем, ты говоришь, он был там? – прервал поток славословия Хомяков. – С Виельгорским?

– Да, Иосиф хоть и после болезни, а все же держался очень даже *comme il faut*.

– И чего они постоянно ходят вместе?

– Друзья. Удивительные, поистине замечательные друзья. Такого друга, коим Николенька является для Иосифа, можно пожелать всякому. Так всюду вместе и ходят – куда один, туда и другой плетется. Говорят, их сам черт связал веревочкой...² – супруга поэта смеялась, но самому ему было не до смеха. Его давно беспокоило резко возросшее внимание жены к Гоголю, которое, хоть и объяснялось с ее стороны давним знакомством и дружеским расположением, что они питали друг к другу, по мнению поэта, уже давно переходило грани дозволенного. С другой стороны, в сложившейся ситуации он был отчасти виноват сам – именно его давешнее нежелание посетить дом Волконской спровоцировало бурю в стакане воды, которой было бы не избежать, если бы не классическое для сцены появление третьего лица.

² Гоголь Н. В. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. М., Искатель, 2016 г. – 112 с. – ISBN: 978-5-00061-166-1

Двери гостиной распахнулись, и на пороге появился брат Екатерины Михайловны, поэт Николай Языков, приятель Гоголя, ставший некогда поводом для их знакомства.

– Здравствуй, друг мой! Все ли ты здоров? Вчера на балу у Волконской, говорят, не было тебя? – сходу осведомился гость.

– Благодарю, Николай, здоров, – сухо отвечал Хомяков, будто бы обиженный на Языкова за то, что тот познакомил супругу с Гоголем. – А на балу меня не было потому только, что я терпеть не могу подобных мероприятий.

– Ну вот вам, – всплеснула руками Екатерина Михайловна. – Мне говорит одно, а на деле выходит свое другое. Как прикажешь тебя понимать?

– Полагаю, Катерине скучно было без тебя. Мог бы проявить немного такта, – едко поддел приятеля Языков.

– А мне кажется иначе. Там было кому ее развлекать.

– Кому же это?

– Гоголю, например. Кстати, а почему он не носит своей настоящей фамилии? Воля ваша, когда человек скрывает свое происхождение, то ему и впрямь есть, чего стыдиться или утаивать...

– Как знать, как знать, только вопрос не ко мне, – отмолчался Языков. – Что же до посторонних мужчин, то я не думаю, чтобы они сильно занимали голову очаровательной сестры моей, ты не прав.

– Полно вам о пустяках, господа, – увернулась Хомякова, понявшая, к чему клонится разговор. – Николенька, верно, зашел по приглашению к обеду, а мы его голодом морим. Дарья, подавай обед!..

Несколько минут спустя все трое сидели за роскошно сервированным обеденным столом. К столу были поданы домашнее вино, корюшка, русские щи, бараний бок с гречневой кашей, поросенок в сметане и хлеб. Вино несколько расслабило вдруг напрягшуюся обстановку, и Хомяков забылся относительно тех комплиментов, что отвешивала его супруга в адрес Гоголя, чем задевала его самолюбие. Ему даже стало как-то стыдно перед отсутствующим здесь писателем, и он попытался сгладить дерзость допущенных в его отношении мыслей комплиментом, который Языков наверняка передаст своему другу при первой встрече.

– Однако же, Гоголь прекрасный писатель, – вдруг некстати разразился он.

– С чего ты опять? – подняла глаза на него Екатерина.

– Сказал, как думал.

– Да, – убедившись в покойном настрое мужа, поспешила поддержать Хомякова супруга. – Это правда. А уж какой он великолепный чтец! Слышали бы вы, друзья мои, как славно вчера он читал «Ревизора». Что ни говори, а я считаю, что в писателе важно не только, как он пишет, а еще и как воспринимает это публика – а для этого он просто обязан быть хорошим чтецом, не так ли?! У него же все, за что бы он ни брался, получается просто великолепно. Скажи, Николенька?!

– Полно, по-моему, ты преувеличиваешь. Писатель он действительно прекрасный, но вовсе необязательно ему актерствовать! И промахов в жизни у него, как у всякого человека, случалось предостаточно, о чем я как его друг могу с уверенностью свидетельствовать. Да и тебе многое известно...

– Однако, лучше него нет среди наших современников словотворца, – не унималась Екатерина Михайловна. – С ним может сравниться разве что Пушкин, только он ушел от нас, а Николенька жив и дай ему Бог здравствовать вечно! – Сказав это, она осенила себя крестным знаменем и посмотрела куда-то вдаль, как будто перед глазами ее была не стена, а даль с картины Репина. Такая откровенность вновь возвратила истощенный болезнью ум супруга ее к старым обидам, и бросилась в глаза ее брату.

– Ну полно. Ты уж вовсе говоришь о нем как о святом...

– Как знать, может, так оно и есть? Помнишь, когда Иосиф болел и почти умирал на вилле у Волконской, он буквально сутками не отходил от его постели, и одним своим присутствием фактически спас ему жизнь!

Языков рассмеялся:

– Жизнь ему спасла медицина, к которой Николай Васильевич, при всем моем безграничном к нему уважении не имеет отношения.

– Как тебе не стыдно, Николая?! Ведь он ухаживал и за тобой при обострениях твоего недуга...

Языков после таких слов насупился и продолжал:

– Я благодарен ему. А вот тебе следовало бы быть посдержаннее в словах относительно мужчин, тебе посторонних, в присутствии твоего законного супруга! Ты должна думать не только о себе и понимать, соответственно, что слова эти могут быть криво истолковано и даже могут обидеть слушателя. За такое в памятные времена на дуэлях стрелялись!

– Ну уж, пустяки, – демонстративно отмахнулась Хомякова от наставлений брата. – Кто избрал своей участью обижаться словами, как говорил Белинский, тот пусть обижается.³ А вообще это удел горничных...

– Ты права, – улыбнувшись, поддержал супругу Хомяков. – Да и потом, о какой причине для обид может идти речь, ежели Гоголя никто и ничто не интересует, кроме Виельгорского и ухаживаний за ним, которые не мне одному кажутся подозрительными и говорящими о наличии некоей тайны, которая, вполне возможно, и заставляет нашего общего друга скрывать свое истинное происхождение!

Буря в стакане воды все же разыгралась. Хомяков лукавил, когда говорил, что высказывания жены о Гоголе, до назойливости частые и всегда ванильные, не задевают его разума и чувств. Если бы все было так, как он сказал, то не следовало бы ему пускаться в подобные оскорбления. Сказанное произвело эффект разорвавшейся бомбы – присутствующие обомлели. Верно, Хомяков готовился к такому выпад, потому как сказать такое в запале просто невозможно.

– Как... как ты смеешь?! – негодовала супруга. – Да за такие слова Николаю Васильевичу следовало бы бросить тебе перчатку!

– Полноте, сестрица, не горячись, – попытался урезонить сестру Языков. – Не только Алексей говорит о странных, мягко говоря, отношениях Гоголя с Виельгорским, об этом судачит вся столица. Ты и сама вчера видела, как они тяготеют друг к другу. О чем это еще может свидетельствовать?

– Кроме как о дружеских чувствах и симпатии в высшем смысле, какая свойственна людям утонченным и изысканным, ни о чем!

– Хотя, я лично был свидетелем жизненной драмы Гоголя, которая случилась с ним совсем недавно на почве любви его к одной особе, что проживала в Полтавской губернии. С его слов, разумеется, но мне точно известно, что чувства его к ней были в высшей степени, и потому кроме как слухами назвать то, что произнес Алексей, я не могу. Меж тем, обязуюсь скрывать услышанное втайне, дабы не рассорить пустяком добрых друзей своих! – улыбнулся Языков, вставая из-за стола и обнимая Хомякова за плечи.

– А я нет, – отбросила салфетку сестра. – При первой же встрече я расскажу Гоголю о низком предположении, сделанном моим мужем и достойным поэтом, никак не отвечающем высоким идеалам поэзии и вообще жизни в обществе! И пусть случай решит ваш спор.

Закончив фразу, она в расстроенных чувствах покинула обеденный зал. Языков пожал плечами и вполголоса произнес:

– Зря ты это, конечно.

³ Филатова Е. М. Белинский. – М., 1976 г.

– Да что мне до вашего Гоголя?! – вспыхнул было хозяин дома, но гость его остановил:

– Да разве в Гоголе дело?! Я вижу твое к нему отношение и не могу не знать, что к сестре моей ты испытываешь самую горячую любовь. Но зная ее нрав, спешу предупредить тебя: такими высказываниями ты лишь отдалишься от объекта своего обожания, который так ревностно защищаешь от нападков того, кто вовсе ни сном, ни духом.

– Так уж и ни сном...

– Что ты имеешь в виду?

– Ты думаешь, почему я не пошел вчера на бал? Потому только, что знаю: Гоголь давно уже отвечает ей взаимностью. Как встретятся, так не отходят друг от друга ни на минуту! А моего присутствия и не замечают вовсе.

– Тогда вдвойне не пойму, почему было не пойти вчера к Волконской и не заявить ему прямо в лицо своей неудовольствие?!

– А к чему это приведет? Тогда станут видеться тайно, а из таких встреч, как правило, не выходит для замужних дам ничего хорошего. Пусть лучше уж как есть, а только лишний раз расстраивать свое здоровье мне не улыбается...

Сказанное Хомяковым насторожило его приятеля. Сложные отношения Гоголя с женщинами во многом объяснялись тайной его происхождения – той самой тайной, что скрывал он за псевдонимом, и которая была хорошо известна Языкову, состоявшему, как и Гоголь, в ряду членов секты «Мученики ада». У истоков ее стояло самое настоящее зло, имя которому было Вий⁴...

...Недаром говорят, что мысль материальна. Стоило минуточкой доли Языкову обратиться мысленным взором своим к ужасающему всаднику, как вечером того же дня в далекой Полтавской губернии, в Сорочинском уезде, на вершине большой горы, названной в народе Диканькой, собралось много женщин. Все как одна одеты были во все белое и стояли вокруг разведенного в середине поляны, что венчала вершину горы, высокого костра. Непонятные темные словеса вырывались из уст их, а возле самого огневища пыталась вырваться из пут молодая девица с затянутым кляпом ртом. Ужас происходящего и осознание того, что далее с ней случится нечто еще более страшное, выбивал из нее последние остатки разума. Голоса женщин нарастали и обретали все большую силу, а костер взмывал и взмывал ввысь, так высоко, что, казалось, доставал до крон самых больших вековых деревьев, что росли здесь в большом количестве. Скоро ветки их стали хрустеть и ломаться – так не бывало даже при сильных порывах ветра. Словно стая медведей пробиралась из чащи леса на поляну, влекомая зовом непонятных славословий.

⁴ Подробнее об этом – в романе братьев Швальнеров «Гоголь. Вий. Не выходи из круга». Екб, ООО «Издательские решения», 2018 г. – 270 с. – ISBN 978-5-4490-7909-1

Наконец перед глазами обезумевшей от страха девицы предстал он. Огромная черная лошадь, как будто огнедышащая, с красными сверкающими глазами, несла на спине своей огромного, нечеловеческого роста всадника. Одет он был в древние латы, исписанные на латыни, из-под которых виднелась белая плащаница – подобие той, что носили во времена Пилата Понтийского. На голове его был башлык такой же кипельно белой материи, из-под которого совсем не видно было его лица. Наверное, оно и к лучшему – ведь встретиться человеком лицом к лицу со своей смертью, с абсолютным вселенским злом, то можно сразу отдать Богу душу. А душа девицы в тот вечер нужна была всаднику.

Рука его – а вернее, кость с ошметками кровоточащего мяса, – сжимала в руке гнутый сатанинский ятаган, какие носили турецкие янычары да ляхи, чьи нашествия навсегда запомнит Полтавщина. Замерли голоса, когда он вознес его над трепыхавшейся в последних отчаянных попытках освободиться дворовой девкой, а потом резко обрушил на нее, разрубая невинное тело пополам. Кровь ее стекла по проделанному в лежаке – большой, грубо обтесанной доске – желобу в стальной сосуд, что стоял неподалеку. Дождавшись, когда части тела поси-неют, оставшись без живительной влаги, всадник взвалит убитую в седло и унесется с бешеной скоростью туда, откуда только что пришел – в самую пучину ада.

Глава вторая. Петербургские тайны

Обратную дорогу из дома Хомякова Языков проделал буквально полугалопом. В голове его беспрестанно крутились сказанные сестрой слова, он сопоставлял все, что засвидетельствовал сейчас в доме и то, что услышал несколько недель назад от метавшегося в горячке по съемной квартире Гоголя, который не так давно открыл для себя тайну собственного происхождения. Он только что вернулся из Полтавы, где целая череда убийств потрясла маленький и тихий городок Сорочинцы, в котором жила его мать. Поначалу следствие, которое вел сам Гоголь и его близкий друг Данилевский, следователь Третьего отделения, подозревало в их совершении дядьку писателя, Ивана Яновского. На его причастность указывали все добытые доказательства, да и с ним самим в канун задержания случилось нечто, что подтвердило результат поисков – кажется, он покончил с собой. В общем, следствие закончилось достаточно быстро. Вот только самого Гоголя его результаты не удовлетворили. Он вернулся с четким осознанием своей собственной причастности к ритуальным убийствам девушек, включая свою покойную сестру Александру. При этом, по его словам, сам он не был их исполнителем – их совершал всадник. Тот самый всадник, который откуда ни возьмись появился на пороге комнаты, в которой сравнительно недавно и сам Гоголь, и Языков совершали литургический обряд. Не только двое приятелей, но и остальные члены посещаемой ими секты «Мученики ада» видели его появление, но никто толком не понимал – действительно ли это Лонгин, убивший Христа, или просто нанятый председателем общества актер. Никто не понимал и цели его визита, и истинной подноготной его появления в маленькой петербургской комнате в ночной час. Однако, как видно, появление его произвело на Николая Васильевича столь сильное впечатление, что он стал ассоциировать всадника и с теми ужасными событиями, что произошли на его родине.

– Говорю тебе, это был всадник, он... Он буквально на моих глазах зарубил Ивана Яновского, и основную часть кровавых убийств в Диканьке тоже совершил именно он!

– Погоди. А как же Иван? Ведь в отчете следствия сказано...

– Именно. Иван, возможно, был как-то причастен к убийствам своей дочери и Хомя Брута, несчастного бурсака, которому повелел читать по ней отходные. А остальные жертвы – вне всякого сомнения, на совести всадника!..

– Меж тем, к делу, как я понимаю, выводы подобного рода не пришьешь?

– Нет, но факт остается фактом. И я, и Саша Данилевский видели его, и стали очевидцами убийства Яновского, которое до боли по признакам своим похоже на остальные ритуальные убийства, что происходили последние несколько месяцев в Сорочинцах. И ты тоже его видел. Тогда, у «Мучеников ада».

– Кого я видел?

– Ты так ничего и не понял?

– О чем ты? – с искренним недоумением спрашивал Языков.

– Кто такой был, по-твоему, этот всадник?

– Если честно, я и сам не знаю. Ну мало ли, что это могло быть? Может, сиюминутное видение, а может, просто нанятый кем-то актер. Ну не мог же это быть обитатель ада, вызванный непонятными речитативами к жизни наяву! Хотя... тот факт, что я видел перед собой человека, а не мираж, оспорить практически невозможно.

– Возможно! Главным образом, потому что ты видел перед собой как раз-таки не человека. Вернее, когда-то он был человеком, но сейчас уже таковым не является. Это был Лонгин!

Услышанное поразило Языкова – с одной стороны, можно было подумать, что его друг сходит с ума, с другой, он слишком уважал Николая, чтобы даже допускать подобные мысли.

– Лонгин?! Тот, который жил при Иисусе Христе?! Но как такое может быть?

– Разве не в это верили все «Мученики ада», которые собрались там?! Разве не этого они хотели? Разве ты не был в их числе?

– Да, но... Почему Лонгин?

– Потому что он пришел за своим копьем. Вернее, чтобы защитить его и его носителя от посторонних!

– Но от кого защитить?

– А разве мало было желающих заполучить драгоценную реликвию? Кольчугин, Рохмистров, да и председатель! Разве они недостаточно выказывали свое желание взять в свои руки то, что им не принадлежит?

– Что ж, может, ты и прав... – Языков задумался. – То есть ты хочешь сказать, что он появляется всякий раз, когда кто-то отыскивает дьявольский артефакт на земле? Но ведь ты не был первым, кто столкнулся с оставленными им обломками копья!

– Именно так. И вспомни, что происходило всякий раз, когда кто-то брал в руки то, что ему не принадлежит...

– Умиряли люди?

– Десятки, сотни людей. Гибли армии и народы. Равно, как и те, кто находил части накопника. Я не могу погибнуть только потому...

Мысль Языкова не дала ему покоя. Он перебил товарища:

– Лонгин в тот вечер никого не убил!

– Еще как убил. Если ты этого не видел, это не означает, что этого не было.

– И где же произошло убийство?

– В Полтаве.

– В Полтаве?! И ты, и я видели его в Санкт-Петербурге!

– Для посланника дьявола нет границ во времени и пространстве. Появление его было для меня определенным знаком. Да, не удивляйся, именно для меня, потому только, что копье в тот вечер было в моих руках. И всегда после тоже оставался в моих руках. И будет в моих руках. Потому только я могу знать его планы и понимать, что всякое его появление чревато кровопролитием...

– Но ведь нет ничего проще, чем выбросить его, и дело с концом. Нашел ты его случайно, так же случайно можешь и потерять, – развел руками поэт.

– Какое там! Это проклятие для меня родовое.

– Как это?! Ведь отец твой, кажется, ничего подобного не отыскивал и вообще никогда не бывал в святой земле?!

– Да, но так или иначе, это проклятие моего рода. Потому, что мы и есть прямые потомки Гая Кассия!

– Нет, я конечно не исключаю, что некоторые из западно-украинских родов ведут свое исчисление от варяжских и греческих общин, некоторые даже из римских – те ведь после падения империи разбрелись, кто куда, в том числе и на южные окраины государства нашего, но... откуда ты знаешь, что именно Лонгин есть прародитель рода Яновских?

– Документальных доказательств этому нет, но... люди говорят. Понимаю, звучит смешно и даже абсурдно, но ты просто поверь. Всадник есть то самое вселенское зло, которое в «Апокалипсисе» названо именем смерть, а в действительности сейчас носит имя Вий. И он имеет ко мне самое прямое отношение. Пусть я и не исполнитель его злой воли, но я как будто направляю и отслеживаю кровавый путь его. Чувствую это, и ничего не могу с этим поделать...

Тогда Языков воспринял слова Гоголя как бред воспаленного малярией мозга, но червь сомнения засел у него внутри окончательно и бесповоротно. Временами, когда болезнь подступала к нему и делала его дни просто невыносимыми, он готов был молиться всем чертям и дьяволам, которые только существовали в Дантовом аду. И легче ему становилось только, когда он общался с Гоголем или посещал литургии «Мучеников ада». И всякий раз звучали

однажды сказанные его слова все более и более убедительно, и веры в них становилось у поэта все больше и больше. А однажды писатель привел ему слова своего друга Данилевского, который высказал предположение, что зло в лице призрака Лонгина будет жить на всей земле до тех пор, пока род Яновских не пресечется, и даже дети Гоголя станут нести его проклятие на многострадальных плечах своих. Он оговорился о том, что не хочет иметь детей именно по этой причине.

Перебирая в памяти слова Гоголя, Языков обмер. Его сестра стояла на пороге супружеской измены с человеком, чье дитя запросто могло оказаться исчадием ада. Конечно, логики в его словах не было, и не стоило им так уж слепо доверять, но и исключать вмешательства потусторонних сил было нельзя – очень уж странно звучала вся эта история с ритуальными жертвоприношениями в Полтавской губернии, где давно уже обычаи и предания уступили место свету ничуть не в меньшей степени, чем в Петербурге. И главное – странно звучали слова Данилевского, человека образованного, разумного и хорошо известного Языкову своей ученостью.

Сам же Данилевский в эту минуту зашел в гости к приятелю, с которым они месяц тому назад вернулись из Полтавы.

– Как ты? Вижу, совсем освоился в городе, от которого плевался по возвращении, – хлопал он дружески Гоголя по плечу. – Вижу тебя на балах, на светских приемах...

– Странно, отчего я тебя тогда там не вижу? – улыбаясь, спрашивал Гоголь.

– Ты, верно, забыл, что моя работа – видеть всех и вся там, где сам я должен оставаться в тени, – загадочно поднял палец к небу Данилевский.

– Это так. А что касается моих появлений в свете, то это вполне естественно, ведь я прожил здесь не один год. Конечно, родная Полтава не могла оставить меня равнодушным, но все же Петербург есть более мое место уже в силу проведенного здесь времени.

– Правильно. Нельзя вечно жить призраками прошлого...

Слово о призраках насторожило Гоголя, он заметно напрягся, но виду старался не подавать:

– Забывать тоже нельзя. Надлежит вынести уроки, сделать для себя выводы и жить дальше.

– Кстати, о призраках. Никаких известий из Полтавы давно не получал?

– Нет, а что?

– А я получил. Недавно и, к сожалению, неутешительные. Ритуальные убийства снова начались.

– И что? Что это означает? – срывающимся от волнения и надвигающегося страха голосом спросил Гоголь.

– Только то, что какому-то сумасшедшему взбрело в голову снова навести смуту в тех сирых местах. Ты же помнишь, насколько восприимчиво местное население ко всякого рода гадостям, хотя уже и переступило известный порог своего диалектического развития. Вот и решил кто-то...

– Нет, – отрезал Гоголь так необычайно громко, что рюмка коньяка произвольно выскользнула из рук Данилевского.

– Что – нет?

– Это всадник.

– Как? Снова всадник? Но ведь Иван Яновский давно в могиле! Мы сами видели, как всадник убил последнего представителя дявольского рода, и вернулся восвояси!

– Не последнего. Ты тогда был прав – еще остался я, его прямой наследник, которому теперь надлежит нести на плечах проклятие рода Лонгина.

– Но... Яновский убивал, а ты нет...

– Убивал всегда всадник. Яновский был лишь инструментом в его руках. Я не стал таким, но копьё все еще в моих руках, а это значит, что всаднику еще долго бродить по этой земле.

– Только потому, что копьё в твоих руках?

– Да.

– Ну тогда просто избавься от него! Возьми да выброси...

– Прости, предложение не ново.

– Слушай, я понимаю, что ты что-то скрываешь, тебе известно нечто такое, что мне не известно, да и не может быть известно. Но молчишь! Пойми, я не собираюсь заточать тебя в острог или заковывать в кандалы, ведь все эти наши с тобой... кхм... мистические бредни, как скажет мое начальство, к делу не пришьешь. Но я все равно отказываюсь верить в то, что тебе, человеку просвещенному и в высшей мере социальному, безразлична гибель людей. Я пришел к тебе не как к подследственному и не как к свидетелю, а как к человеку, в чьей власти остановить снова разбушевавшееся кровавое безумие...

– Ты прав, – тяжело выдохнул Гоголь. – Скажи, как ты думаешь, поему всадник убил Яновского, когда мы разоблачили его?

– Ну не знаю, – пожал плечами Александр Семенович. – Надо полагать, потому что он был последним из проклятых, выполнил свою миссию, и стал ему больше не нужен.

– Начало правильное, а вот конец... Он действительно стал ему больше не нужен. Но только потому, что дальше его бы ждали тюрьма и каторга, и он нипочем не смог бы выполнять те задания, что всадник ему посылал. Но, не будь у него преемника, Вий бы никогда не поднял на него руки. Ему проще тогда было убить нас, но он этого не сделал. Почему? Потому что преемник у него был и есть, и Вий видел его своими незрячими глазами.

– И кто он?

– Он перед тобой. И он будет убивать, то и дело возлагая на меня ответственность за это.

– И как это остановить?

– Боюсь, что это будет сложно. Сложно будет прервать цепь кровавых преступлений, которые, как ты помнишь со слов Евтуха, Вакулы и прочих обитателей Диканьки, продолжались там все это время без перерыва. Но ее течение можно приостановить. Если у меня будет наследник, то я перестану ему быть нужным. Он сможет отпустить меня, особенно, если этому будут способствовать какие-либо сложные для него и для меня обстоятельства. И тогда ему придется ждать, когда новый носитель копья повзрослеет и поймет свое истинное предназначение.

– Если я тебя правильно понял, ты говоришь мне, что должен умереть, но перед этим оставить наследника, чтобы сатанинская цепочка прервалась?

– Именно так. Одно напрямую связано с другим.

Данилевский задумался:

– Скажи, тебя на такие мысли навели сугубо логические рассуждения? Или твое знание связано с чем-то большим?

Гоголь отвел глаза – как и всегда, его пытливый в силу врожденной любознательности и должности собеседник был прав. Потому он решил быть с ним откровенным до конца. Откровенность я тем же Языковым, еще одним свидетелем всадника, была практически невозможна, хотя, в отличие от Данилевского, он был поэтом, и должен был иметь куда более восприимчивое и развитое воображение. Данилевский же доверял писателю в силу давних с ним отношений...

– От тебя сложно что-то скрыть. Всадник явился ко мне и говорил со мной.

– Он?! Говорил?! Но ведь такого никогда не бывало!

– Верно. Он говорил посредством Александры. Я видел ее во сне, и она сообщила мне все это.

Данилевский отставил рюмку. Вопросы, с которыми он сегодня пришел к старому другу, были отвечены, но вместо них появились куда более сложные и серьезные, ответы на которые никак не могли порадовать следователя Третьего отделения.

– Однако, насколько я понимаю, для рождения наследника еще нужна мать? Кто же она такая?

– Она есть.

Глава третья. *Cherchez la femme*

Дивный вишневый сад в предместье дома Виельгорских распускался каждую весну, несмотря на петербургскую непогоду. Он был украшением дома, и все домашние обожали проводить здесь много времени – тем больше, чем ближе чувствовалось наступление лета и удивительных теплых дней, что будут посланы свыше хоть и в небольшом количестве, а все же поражают и хозяев этого славного чертога, и его многочисленных гостей, что короткими ночами и долгими вечерами будут собираться на здешних балах и суаре, чтобы приобщиться к прекрасному. Да, в доме Виельгорского, страстного почитателя и знатока хорошей музыки, живописи и архитектуры, этого прекрасного было столько, что хватило бы для успокоения самой измученной души. И главным достоинством дома была его прекрасная во всех смыслах половина.

Младшая дочь хозяина дома, известного в столице музыковеда, критика и композитора Михаила Юрьевича Виельгорского, Анна Михайловна, была девушкой удивительной красоты. По отцу полячка – а полячки, как известно, самые красивые девушки на земле, – а по матери немка, среди которых хоть и нет особенных красавиц, но есть правильный склад и идеальные пропорции лица, чего так не хватает русским женщинам; она словно сошла с полотна Рембрандта или Леонардо. Вдобавок ко всему, правильное, интеллигентное воспитание, данное ей родителями, с отцовской стороны которых были настоящие польские дворяне, а с материнской – кровь немецкого временщика Бирона, фаворита самой Анны Иоанновны, делало Анну Михайловну практически идеальной во всех отношениях. С одной стороны, она знала, где и что сказать, а где лучше бы промолчать, с другой – даже молчание ее не портило, а только скрашивало тот удивительный портрет, что рождался в мозгу каждого, кто хоть раз видел эту абсолютно идеальную фемину. Родители не могли нарадоваться при созерцании такого природного совершенства, что послано им было по большой любви, но комплиментами старались ее не баловать, веря, что лучшее – враг хорошего. Что ей положено знать о себе, рассуждали они, то и без их слов станет ей известно. Хотя, кажется, Анна Михайловна знала больше положенного не только о себе, но и об окружающих. И иногда это знание, которое обычно не свойственно девушкам высшего света, затрудняло ее жизнь и заставляло задавать неудобные вопросы.

Она обожала гулять в саду. Редкие минуты, что эта образованная и культурная девушка не проводила за чтением романов и нравоучительных книг, за вышиванием или домашними делами, проводила она в вишневом саду, который вот-вот покроется белыми огоньками листьев. А пока об их приближении свидетельствует тот удивительный аромат, что исходит от деревьев и как будто свидетельствует о приближающемся обновлении всей природы, даже в этом грязном и ледяном городе, страшной волей царя Петра сделанном столицей России. Воспоминания о Петре невольно вернули развитое сознание девицы к его наследнице – Анне Иоанновне...

Ее мать, Луиза Бирон, супруга Михаила Виельгорского, смотрела из окна за тем, как дочь, явно погруженная в какие-то глубокие раздумья, отрешенная бродит по саду. Она решила выйти навстречу дочери, чтобы осведомиться о состоянии ее здоровья – весна пришла еще не окончательно, а Анна была на улице уже свыше двух часов, потому Луиза обеспокоилась, как бы невские ветра не прохватили юного девичьего организма. Мать знала, что дочь ждет возвращения брата, Иосифа, посланного ею, чтобы уговорить давнего поклонника – писателя Гоголя – прийти к ним на обед. Луиза не была сторонницей очень уж близких отношений дочери с писателем, чье имя было окружено странными и подчас недобрыми слухами, но и мешать им также не решалась. Она полагалась на волю Господа, который способен раз-

вести изначально чуждых друг другу людей, да и не особенно верила в юношеские страсти, которые имеют обыкновение утихать с течением времени.

– Ты не простудишься? – спросила она у дочери, показываясь на пороге их дома в Английском переулке.

– Нет, маменька, здоровье мое вполне... А вот тебе бы следовало одеваться теплее...

– Воля твоя, но в доме так жарко, что невозможно вынести. Вот решила проветриться.

– Это хорошо, потому что я давно хочу спросить тебя об одной теме.

– О какой же?

– Верно ли, что ты и есть праправнучка того самого Бирона, что был фаворитом Анны Иоанновны?

Мать усмехнулась:

– А разве много Биронов есть среди твоих знакомых? Неужто фамилия наша стала такая распространенная, что уж и спутать можно?

– Нет, но Петр призвал в Россию достаточно немцев. Если среди нас есть великое множество Ивановых да Рябых, почему бы и десятку немцев не быть, к примеру, Биронами?

– Нет уж, моя родословная чиста как слеза младенца. Я есть его единственный прямой потомок. Ну и ты теперь, конечно. Слово «единственный» я употребила по причине смерти бедной сестры моей, которая, как тебе известно, была прежней супругой твоего отца...

– Да, это мне известно.

– Но почему ты задаешь этот вопрос?

– Знаешь, я на днях читала о нем в одной исторической книге.

– И что же вычитала?

– Ничего утешительного. Человек он был неприятный, жестокий, даже мерзкий, я бы сказала. Не только придворные, но и простой народ ненавидел его за жестокость и нежелание сколько-нибудь облегчить их жизнь, в то время, как для правителя это и есть первое дело.

– Во-первых, правителем России он никогда не был. В те времена царствовала императрица, Анна Иоанновна...

– Но ведь он был ей фаворитом и фактически осуществлял управление делами государства!

– Не перебивай мать, – с типично немецкой строгостью одернула дочь Луиза. – А во-вторых, как знать, может быть, таково было веление времени?! Ты ведь не знаешь всех трудностей, с которых ему и императрице приходилось сталкиваться в те времена! А времена были непростые, да и задачи, стоящие перед государем, стоят выше даже общественных интересов. Еще неизвестно, милая моя, как ты поведешь себя, окажись на императорском троне!

– Я, слава Богу, там никогда не окажусь.

– Зачем раньше времени отказываться от своего счастья? Твой брат ближе всех стоит к Наследнику, и, как знать, может быть, в один прекрасный день...

– Ну уж нет, – одернула дочь. – Уволь. Его Императорское Высочество не в моем вкусе, а приказывать сердцу ради власти, как это сделал наш сиятельный предок, я не могу и не хочу!

– А кто же, позволь осведомиться, в твоем вкусе? Гоголь, конечно же? – Дочь не отвечала. – Эх, а я бы, будь моя воля, такого шанса не упустила...

– Как вам не стыдно? Ведь папенька может услышать!

– Он меня поймет... Впрочем, вон, кажется, и твой братец. Оставляю вас за разговорами о милом вашему сердцу Николае Васильевиче...

Она была права – калитка с улицы отворилась, и в сад вошел красивый молодой человек в военной форме. Это был брат Анны, Иосиф. Они обнялись. Видно было, что двое этих красивых в высшей мере людей тяготеют друг к другу, их связывает та теплая и высокая дружба, что редко последнее время связывает кровных родственников.

– Как твоя прогулка? – не скрывая блеска в глазах, спросила у брата Анна Михайловна.

– Ты хочешь спросить, как там Николай Васильевич? Отлично, хорошо себя чувствует и велел тебе кланяться...

– Так как же, ждать нам его?

– Было непросто,.. – Виельгорский тянул время, чтобы лишний раз поинтриговать сестру, – но все же мне удалось убедить его прийти завтра к нам на обед. Надеюсь, ты будешь рада его видеть?

– Не то слово, – Анна бросилась к брату на шею и горячо поцеловала его, так велика была ее благодарность.

– Ну, полно, побереги чувства для поклонника...

На пороге дома вновь появилась Луиза.

– Иосиф, – нравоучительно начала она, – не вредно ли тебе так долго гулять по столь свежей погоде? Я опасаюсь за твое здоровье.

– Здоровье, маменька, зависит не от погоды, а от настроения, от положительных эмоций. А в компании Николая Васильевича нельзя испытывать никаких других.

– И что вы все так влюбились в него? Право...

– Как ты можешь?! В свете только и говорят, что о нем и о его новых произведениях. Вчера на балу у Волконской он благотворительно читал отдельные фрагменты из своего «Ревизора». Разве не ты была первым читателем пьесы, когда ее еще не опубликовали и даже ни разу не поставили и высказала в ее адрес свои наилучшие комплименты?

– Было, но все же я считаю, что такая популярность вредит тому, о ком постоянно говорят. Можно сглазить. В конце концов, разве он лучше Пушкина?

– А разве можно их сравнивать? Пушкин, без сомнения, величина, и был другом Николеньки, и очень высоко отзывался о его творениях. Но Гоголь – величина иная, никак не меньшая, но просто не сравнимая с Пушкиным ввиду разности во взглядах, в манере их донесения. Да в жанрах, в конце концов! Нет, ты явно недооцениваешь нашего друга.

– Не кажется ли тебе, что, будучи постоянно в его обществе, ты несколько меркнешь на его фоне?

– А к чему мне сиять? Я себя в этом обществе уж нашел. Человек, приближенный ко двору и к Наследнику в принципе уже не должен заботиться об отыскании своего места в людях. К чему мне сияние света? У нас планы разные...

– Ну, как угодно. Полно же вам мерзнуть, пойдете обедать...

Луиза и Анна Михайловна удалились, а Иосиф остался на воздухе, чтобы пару минут выкурить трубку, как вдруг у калитки появилась знакомая ему фигура – перед ним стоял Языков. Не сказать, чтобы они были особенными друзьями или давно и близко знали, но Виельгорский знал всех друзей Гоголя. Как говорится, друг моего друга – мой друг.

Он поприветствовал гостя. На том лица не было – как видно, давняя болезнь, во времена обострения которой только участие Гоголя спасало поэта, снова поразила его. Виельгорский подошел к калитке.

– Проходи, друг мой. Вся семья собралась к обеду, так что ты как раз вовремя.

– Благодарю, но дело у меня к тебе строго конфиденциальное и не терпящее посторонних ушей.

– Насколько срочное?

– Срочнее некуда. Это касается Гоголя.

Поэт был как никогда серьезен – это не могло не насторожить Иосифа Михайловича.

– Гоголя?

– А, вернее, его отношений с твоей сестрой.

Виельгорский присвистнул. Он пригласил Языкова в бельэтаж, где они могли скрыться от посторонних глаз, а в гостиной сказал, что обедать будет позже, и что у него посетитель

по важным государственным делам. Они уединились и долго о чем-то говорили, не зная, что в ту самую роковую ночь Гоголю явилась убиенная сестра его, Александра.

Снова приступ животной страсти овладел им во сне, и снова показалось ему, что он сочтается греховной первородной связью с той, что кажется такой живой, хотя мертвее нее нет никого. Он любил ночи и свои эротические сновидения – они позволяли ему мысленно вернуться в самые любимые свои дни, что провел он вместе с Александрой Яновской в Полтаве...

И, как всегда, под конец их встречи, когда петухи уже кричали и первые лучи солнца неумолимо стучались в окно его спальни, они разговорились.

– Тебе пора жениться и завести детей, – слова ее звучали жестко, безапелляционно, как приговор. Он понимал, что ее устами говорит тот, кому служить Гоголь был вечно обречен.

– И на ком же?

– Допустим, на сестре твоего друга, Анне.

– Но почему? Почему она? Она ведь практически святой человек, что может связывать ее с таким темным явлением, как я?

Александра улыбнулась:

– Ты уже знаешь, что все потомки отвечают за грехи отцов и праотцов своих. Что касается нее самой, то, может быть, до поры она и чиста, но как быть с человеком, который был послан нами задолго до вашего существования и исправно нес службу нашему князю, Князю Тьмы, Вию?

– О ком ты?

– О ее предке. Кажется, его звали Бирон...

– Я слышал о фаворитизме тех времен, но не думается мне, что он был более жесток, чем те правители, что жили в его времена и до и после...

– Напрасно ты так думаешь. Вспомни, сколько казней было совершено во времена Анны Иоанновны. Уж не Бирон ли стоял за ними? Хотелось ли ему крови или те, кого казнили по его приказу, претендовали на его права в отношении императрицы? Ничуть. Это было веление нашего Князя. Меж тем, ты прав, доказательства нужны неоспоримые. Какие черты обязательно несет на себе тот, кого Вий избрал исполнителем своей воли? Вспомни для примера моего отца. Жестокость и презрение к людям. Мало этого было в Бироне? Куда больше, чем в покойном папеньке моем. Он ненавидел всех русских животной ненавистью, проживая в их стране. Считал их рабочим скотом и говорил, что, ежели они не справляются с крестьянской ношей своей, то их сразу надобно убивать. О русских помещиках и дворянах он и слышать не хотел – они слабо годились в ломовые лошади. В то же время он был полон лжи. Ложью было все, чего он когда-либо касался: сделавшись регентом, чтобы загладить все те нелестные слова и действия, что были им прежде совершены и сказаны в адрес русских, стал он с невиданным рвением заниматься государственными делами, а в Сенате, бывало, просиживал по четыре часа. Но был ли толк какой-нибудь? Что, кроме дележки мзды и недоимок, занимало его на закрытых заседаниях высшего государственного органа? Ничего. Он разорял все и вся на своем пути: вместе с Шембергом они поработили лучшие русские горные заводы и промыслы, получили права на крупные недоимки, которых лишилась казна, а должников после пытали и казнили... Игра в карты, пьянство, а также тот факт, что, ради привилегий и должностей, обманывая свою настоящую жену, он жил в разврате со старой, толстой, жестокой и уродливой бабой – разве всего этого мало, чтобы понять, о ком в действительности идет речь?

– Думаю, достаточно. И, что же, у меня совсем нет выбора?

– Почему, есть. В тебя влюблена еще одна, хорошо тебе знакомая, особа...

– Кто же?

– Не притворяйся, ты отлично знаешь, о ком я говорю.

– Катя?

– Она.

– А она тут причем? Она, кажется, ни из каких таких родов не происходит, и темных людей среди предков не имела?

– Имела, не имела, не тебе судить. А только наречена она быть супругой дьяволу. Не тебе – так другому. Не в этой жизни – так в последующей, а только будет. Были в ее жизни определенные события, о которых она сама расскажет тебе, если захочет, а может, ты от других о ней узнаешь. Только у меня на то права нет. Узнав, ты вспомнишь мои слова... Решайся!

Гоголь проснулся – сновидения как не бывало, только недовольное лицо слуги Семена снова говорило писателю о том, что он скверно спал. И, хоть прошла эта ночь, он понимал, что сказанное в это темное время слово долго еще будет его преследовать, пока наконец он не выполнит воли того, от кого давно зависит благодаря своей зловещей находке.

Доктор Сигурд Йоханссон. О семье Виельгорских и их участии в судьбе Гоголя

Читателю следует напомнить, что в первой части дилогии братьев Швальнеров, романе «Гоголь. Вий» описываются события 1845 года – визит Гоголя в Иерусалим, отыскание им там копья Лонгина (того самого, которым убили Иисуса Христа, по версии ряда теологов, в том числе Цельса) и сопутствующее этому открытие родства между Гоголем и Лонгином, именуемом по записям на его латах Вием. Конкретные злоключения, случившиеся с Гоголем и его окружением вследствие сделанного писателем открытия, описывать смысла нет – о них вы можете прочитать в романе. Скажем только, что версия писателей была основана на архивных изысканиях и находила множество подтверждений в последующей литературе, в том числе в биографиях Гоголя, принадлежавших перу разных историков.

Правда и то, что в описываемый авторами период Гоголь был близок к Иосифу Виельгорскому и его семье, будучи даже влюблен в его сестру Анну, которая приходилась праправнучкой знаменитому фавориту Анны Иоанновны Бирону. Для начала, дабы не быть голословными, приведем сохранившийся отрывок повести Гоголя «Ночи на вилле», посвященной вечерам, проведенным у постели больного Иосифа Михайловича Виельгорского. По этому отрывку, действительно, многие современники их дружбы, не исключая знаменитую княгиню Зинаиду Волконскую, даже строили предположения об их гомосексуальной связи. Меж тем, в сохранившемся обрывке ничего предосудительного нет, он является лишь дошедшим до нас свидетельством искренней дружбы Гоголя и камер-пажа будущего царя Александра II, Иосифа Виельгорского. Судите сами:

«Они были сладки и томительны, эти бессонные ночи. Он сидел больной в креслах. Я при нем. Сон не смел касаться очей моих. Он безмолвно и невольно, казалось, уважал святыню ночного бдения. Мне было так сладко сидеть возле него, глядеть на него. Уже две ночи, как мы говорили друг другу: ты. Как ближе после этого он стал ко мне! Он сидел все тот же кроткий, тихий, покорный. Боже, с какою радостью, с каким бы веселием я принял бы па себя его болезнь, и если бы моя смерть могла возвратить его к здоровью, с какою готовностью я бы кинулся тогда к ней.

Я не был у него эту ночь. Я решился наконец заснуть ее у себя. О, как пошла, как подла была эта ночь вместе с моим презренным сном! Я дурно спал ее, несмотря на то, что всю неделю проводил ночи без сна. Меня терзали мысли о нем. Мне он представлялся молящий, упрекающий. Я видел его глазами души. Я поспешил на другой день поутру и шел к нему как преступник. Он увидел меня лежащий в постели. Он усмехнулся тем же смехом ангела, которым привык усмехаться. Он дал мне руку. Пожал ее любовно: «Изменник! – сказал он мне. – Ты изменил мне». – «Ангел мой! – сказал я ему. – Прости меня. Я страдал сам твоим страданием, я терзался эту ночь. Не спокойствие был мой отдых, прости меня!» Кроткий! Он пожал мою руку! Как я был полно вознагражден тогда за страдания, нанесенные мне моею глупо проведенною ночью. «Голова моя тяжела», – сказал он. Я стал его обмахивать веткою лавра.

«Ах, как свежо и хорошо!» – говорил он. Его слова были тогда, что они были!

Что бы я дал тогда, каких бы благ земных, презренных этих, подлых этих, гадких благ, нет! о них не стоит говорить. Ты, кому попадутся, если только попадутся, в руки эти нестройные слабые строки, бледные выражения моих чувств, ты поймешь меня. Иначе они не попадутся тебе. Ты поймешь, как гадка вся груда сокровищей и почестей, эта звенящая приманка деревянных кукол, называемых людьми. О, как бы тогда весело, с какой бы злостью растоптали

подавил все, что сыплется от могущего скиптра полночного царя, если б только знал, что за это куплю усмешку, знаменующую тихое облегчение на лице его.

«Что ты приготовил для меня такой дурной май!» – сказал он мне, проснувшись, сидя в креслах, услышав шумевший за стеклами окоп истер, срывавший благовония с цвевших диких жасминов и белых акаций и клубивший их вместе с листками роз.

В 10 часов я сошел к нему. Я его оставил за 3 часа до этого времени, чтобы отдохнуть немного и чтобы доставить какое-нибудь разнообразие, чтобы мой приход потом был ему приятнее. Я сошел к нему в 10 часов. Он уже более часу сидел один. Гости, бывшие у него, давно ушли. Он сидел один, томление скуки выражалось на лице его. Он меня увидел. Слегка махнул рукой, «Спаситель ты мой!» – сказал он мне. Они еще донныне раздаются в ушах моих, эти слова. «Ангел ты мой! ты скучал?» – «О, как скучал!» – отвечал он мне.

Я поцеловал его в плечо. Он мне подставил свою щеку. Мы поцеловались. Он все еще жал мою руку.

Он не любил и не ложился почти вовсе в постель. Он предпочитал свои кресла и то же свое сидячее положение. В ту ночь ему доктор велел отдохнуть. Он приподнялся неохотно и, опираясь на мое плечо, шел к своей постеле. Душенька мой! Его уставший взгляд, его теплый пестрый сюртук, медленное движение шагов его... Все это я вижу, все это передо мною. Он сказал мне на ухо, прислонившись к плечу и взглянув на постель: «Теперь я пропавший человек». – «Мы всего только полчаса останемся в постеле, – сказал я ему. – Потом перейдем вновь в твои кресла».

Я глядел на тебя, мой милый, нежный цвет! Во все то время, как ты спал или только дремал на постеле и в креслах, я следил твои движения и твои мгновенья, прикованный неподастижимою к тебе сплюю.

Как странно нова была тогда моя жизнь и как вместе с тем я читал в ней повторение чего-то отдаленного, когда-то давно бывшего. Но, мне кажется, трудно дать идею о ней: ко мне возвратился летучий свежий отрывок моего юношеского времени, когда молодая душа ищет дружбы и братства между молодыми своими сверстниками и дружбы решительно юношеской, полной милых, почти младенческих мелочей и наперерыв оказываемых знаков нежной привязанности; когда сладко смотреть очами в очи и когда весь готов на пожертвования, часто даже вовсе не нужные. И все эти чувства сладкие, молодые, свежие – увы! жители невозвратимого мира – все эти чувства возвратились ко мне. Боже! Зачем? Я глядел на тебя. Милый мой молодой цвет!

Затем ли пахнуло на меня вдруг это свежее дуновение молодости, чтобы потом вдруг и разом я погрузился еще в большую мертвящую остылость чувств, чтобы я вдруг стал старше целыми десятками, чтобы отчаяннее и безнадежнее я увидел исчезающую мою жизнь. Так угаснувший огонь еще посылает на воздух последнее пламя, озарившее трепетно мрачные стены, чтобы потом скрыться навеки и...»⁵ На этом рукопись обрывается.

Нет, Гоголь не был влюблен в Виельгорского в классическом понимании этого слова. Но был влюблен в его, без сомнения, прекрасную сестру – Анну Михайловну, ту самую, которая приходилась дальней родственницей Бирона по материнской линии.

В книге, которую читатель держит в руках, Бирон рисуется как человек темный и неприятный, близкий к дьяволу – судя, конечно же, по делам его. Будучи фаворитом императрицы Анны Иоанновны, он фактически управлял страной на протяжении 10 лет, которые запомнятся историкам едва ли не как самые темные годы послепетровского периода.

⁵ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений в 14 томах. – М. – Л.: Издательство АН СССР, 1938. – Т. 3. Повести. – С. 324—326.

Бирон

Его настоящее имя Иоганн Эрнест Бирен. Как пишет Н. Костомаров: «Из суетного честолюбия он принял фамилию Бирона, изменив только одну гласную в своем настоящем фамильном прозвище, и стал производить себя от древнего аристократического французского рода Биронов». Действительные члены этого рода во Франции, узнавши о таком самозванстве, смеялись над ним, но не сопротивлялись и не протестовали, особенно после того, как со вступлением на престол российский Анны Иоанновны он, под именем Бирона, стал вторым человеком в могущественном европейском государстве.

Сын Курляндского придворного служителя, а по мнению некоторых историков и вовсе сын конюха (поскольку в России был известен, главным образом, как знаток лошадей)⁶, Иоганн Эрнест учился в кенигсбергском университете, но едва ли получил особенно блистательное образование, если верить словам его современника Миниха, что он не знал никаких языков кроме немецкого и местного курляндского, и даже немецкие письма разбирал с трудом, если в них встречались французские или латинские цитаты.

В университете Бирен, впрочем, если не получил отличного образования, то приобрел некоторую охоту к чтению. Еще в Кенигсберге он положил начало своей, впоследствии довольно обширной, библиотеке. Во время учебы в университете Бирен принял участие в драке студентов с ночной стражей и убил солдата. С большим трудом выбравшись через год из тюрьмы, он вернулся на родину где занял место гувернера в частном семействе, но ненадолго т.к. решил искать фортуны. Как описывает этого человека В. Андреев: «Он был молодой человек с лоском образования. Он был любезен, когда хотел, и имел бы недурную наружность, если бы в выражении глаз его не было чего-то отталкивающего. Спесивый, гордый, жестокий в душе, он прикрывал мрачные стороны своего характера утонченностью и изящностью светского человека.»

⁶ Письмо Бирона к одному камергеру // Осьмнадцатый век, Кн. 3. – М., 1869. – С. 157—158.

Таким образом, уже в достаточно юном возрасте Бирон совершил первое свое убийство...

Около 1718 г. Иоганн Эрнест пристал ко двору Анны благодаря покровительству Бестужева, бывшего тогда фаворитом герцогини. Человек крайне честолюбивый, Бирон сделал вопрос о карьере вопросом жизни. Мстительный, «без понятия о чести, без сознания долга, он пробивал себе дорогу в жизни со своекорыстием мелкого эгоиста».⁷

Заняв при Анне прочное положение, Бирен до такой степени сблизился с нею, что стал ей необходимейшим человеком. Сначала он старался как можно чаще находиться при ней и скоро достиг того, что она сама, еще более чем он, нуждалась в его обществе. По известиям современников, привязанность Анны Иоанновны к Бирену была необычная. Императрица думала и поступала сообразно тому, как влиял на нее любимец. Все, что ни делалось Анною, в сущности исходило от Бирена.

Обстановка, при которой Анна Иоанновна вступила на престол, вызывала в ней недоверие к русским; с учреждением двух новых гвардейских полков, Измайловского и Конного, набранных наполовину из курляндцев и немцев и под командой иноземных же офицеров, она почувствовала себя спокойнее. Приняв самодержавие Анна призвала в Россию Бирона. В соответствии с традиционной оценкой личности Бирона, фаворит императрицы, которого она впоследствии сделала герцогом курляндским, «...не имел никаких государственных взглядов, никакой программы деятельности и ни малейшего знакомства с русским бытом и народом. Это не мешало ему презирать русских и сознательно гнать все русское. Единственной целью его было собственное обогащение, единственной заботой – упрочение своего положения при дворе и в государстве».⁸ За Бироном ко Двору потянулись и другие немцы, столь же безучастные к судьбам России и думавшие лишь о собственной выгоде.

Бирон не управлял государством, а эксплуатировал страну в своих личных выгодах, и с самого начала своей власти в России принялся за взыскание податных недоимок с народа путем самым безжалостным, разоряя народ, устанавливая невозможную круговую поруку в платеже между крестьянами-плательщиками, их владельцами-помещиками и местной администрацией. Все классы общества платились и благосостоянием, и личной свободой: крестьяне за недоимку лишались имущества, помещики сидели в тюрьмах за бедность их крестьян, областная администрация подвергалась позорным наказаниям за неисправное поступление податей. «Бирон был также жаден, как и жесток. располагая бесконтрольно русской казной, можно было удовлетворить какие угодно вкусы. Казалось, ему было и этого мало. С небывалой жестокостью и врожденным презрением к человеческой личности он прибегал, для удовлетворения своей жадности, к зверским мерам. Он буквально грабил». Очень яркое описание дает этим событиям В. О. Ключевский: «Устроена была доимочная облава на народ: снаряжались вымогательные экспедиции; неисправных областных правителей ковали в цепи, помещиков и старост в тюрьмах морили голодом до смерти, крестьян били на правеже и продавали у них все, что попадалось под руку. Повторялись татарские нашествия, только из отечественной столицы. Стон и вопль пошел по стране».⁹

Так же Бирону приписывают развитие в стране доноительства и шпионажа, объясняя это его страхом за безопасность и прочность своего положения. Тайная канцелярия, преемница Преображенского приказа Петровской эпохи, была завалена политическими доносами и делами. Над обществом висел террор. И в то же время одно за другим шли физические бедствия: мор, голод, Войны с Польшей и Турцией истощали народные силы.

⁷ Павленко Н. И. Страсти у трона. – М.: Родина, 1996. – 320 с.

⁸ Бюлер Ф. А. Герцог Бирон, регент Российской империи. Род. 1690 ум. 1772 г. // Русская старина 1873. – Т. 7. – №1. – С. 52—66.

⁹ Исторические портреты. Деятели исторической мысли. / Сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Александрова. – М.: Изд-во «Правда», 1991. – 624 с.

Понятно, что при таких обстоятельствах жизни народ не мог быть спокоен. Отсюда еще одно явление «бириновщины» – постоянные народные волнения. Именно от него есть пошла Пугачевщина!

В 1734—1738 на юго-востоке появились самозванцы, называвшие себя сыновьями Петра. Они имели успех среди населения и войск, но скоро были изловлены. Но и без них народный ропот не смолкал. В народе все бедствия страны приписывали иностранцам, захватившим власть и пользующихся тем, что на престоле слабая женщина.

Влиянию Бирона многие историки приписывают распущенность и жестокость нравов двора. Полагали, что именно Бирон сумел и забавам императрицы придать характер, служивший унижению русских знатных фамилий. Например, В. Андреев и И. Лажечников считают, что жестокость, проглядывающая в таких забавах, как ледяной дом, была не сродни душе Анны и являлась следствием влияния Бирона. Влияние его же отразилось на нерешительности характера и переменчивости мнений Анны.¹⁰

Вокруг себя Бирон не видел ни одной самостоятельной личности. Всех заметных русских людей он губил исподволь и являлся полным распорядителем дел. Так называемый кабинет, учрежденный в 1731 из трех лиц: Остермана, Головкина и Черкасского, должен был заменить собой упраздненный Верховный Тайный совет и стать над сенатом и Синодом во главе государственного управления. Лишенный всякого юридического облика и самостоятельности «... кабинет путал компетенцию и делопроизводство правительственных учреждений, отражая в себе закулисный ум своего творца и характер темного царствования».¹¹ Кабинетом также негласно распоряжался Бирон. П. В. Долгоруков особенно выделяет его доверенного – еврея Липмана, которого Бирон сделал придворным банкиром. Липман открыто продавал должности, места и милости в пользу фаворита и занимался ростовщичеством на половинных началах с герцогом курляндским. Бирон советовался с ним во всех делах. Липман часто присутствовал на занятиях Бирона с кабинет-министрами, секретарями и президентами коллегий, высказывая свое мнение и давая советы, всеми почтительно выслушиваемые. Самые высокопоставленные и влиятельные лица старались угодить этому фавориту, который не один раз отсылал людей в Сибирь по капризу. Он торговал своим влиянием, продавая служебные места, и не было низости, на которую он не был способен.

Понятно, что в России отношение к евреям всегда оставляло желать лучшего – и, надо сказать, не без оснований. Понимая это и ненавидя всех русских и все русское, Бирон как будто сознательно отдает предпочтение в общении именно представителю этой малопочтенной нации, издревле почитаемой как люди дьявола – торговцы.

Согласно представлениям о «бириновщине», фаворит стремился о замещении немцами всех важных мест администрации. Старые гвардейские полки, вообще весь класс дворянский, интеллигенция того времени с затаенным чувством обиды смотрели на предпочтение, оказываемое при дворе и по службе людям немецкого происхождения, на заносчивость и высокомерие, с каким те держали себя.

Личные качества его также оставляют желать лучшего. Вот что пишет о нем барон Б. Х. Миних: «...страсть его была – игра. Он не мог провести ни одного дня без карт и играл вообще в большую игру, находя в этом свои выгоды, что ставило часто в весьма затруднительное положение тех, кого он выбирал своими партнёрами. Он был довольно красивой наружности, вкрадчив и очень предан императрице, которую никогда не покидал, не оставив около нея вместо себя своей жены».¹²

¹⁰ Лажечников И. И. Ледяной дом. – М., Белый город, 2010 г. – 480 с. – ISBN: 978-5-7793-2039-9

¹¹ Для биографии герцога Бирона. (Материалы) // Русский архив 1867. – Вып. 3. – Стб. 469—473.

¹² Миних Б. Х. Записки фельдмаршала графа Миниха. – СПб.: Тип. Безобразова и комп., 1874. – С. 67—68.

Оппозицию Бирону и его прислужникам возглавил Артемий Петрович Волынский. Этот человек начал карьеру при Петре I, женатый на его двоюродной сестре Л. К. Нарышкиной. Волынский проявил себя как дипломат, губернатор в Астрахани и Казани. В 1738 волей Анны Иоанновны стал кабинет-министром. Человек весьма образованный, незаурядный государственный деятель, он задумывал проекты разных реформ. В то же время, в соответствии с духом времени не чуждался взяток и казнокрадства, был ловким интриганом при дворе, деспотом в губерниях, которыми управлял и в своих вотчинах.

Волынский и его сторонники не скрывали своего отвращения к Бирону и всему тому, что он олицетворял. Глава кружка в ряде записок выступил против клики, хозяйничавшей при дворе, в России. Отношения обострились до крайности. Бирон и Остерман уговорили императрицу, и она приказала в 1740 г. арестовать Волынского и его соратников. Дело закончилось казнью кабинет-министра и его двух ближайших сподвижников – П. М. Еропкина, придворного архитектора и А. Ф. Хрущова, горного инженера. Других сослали на каторгу.¹³

Большое распространение получило мнение о разрушительном влиянии немецкого фактора на Российскую внешнюю политику, о продажности немцев, занимавших важные государственные должности и их предательской политике при ведении дипломатических переговоров. «Победоносная война с Турцией, удавшийся поход на Крым – мечта стольких поколений! – завоевание Азова, Очакова, Хотина, Ясс, блестящая победа при Ставучанах дали результаты самые ничтожные. Близорукая и продажная дипломатия свела тяжелые жертвы, принесенные государством, на нет: по Белградскому миру (1739) за нами оставили один только Азов (потерянный в 1711 г.), да и то с обязательством снести его укрепления; гнездо крымских разбойников и низовья Днепра по-прежнему оставались за гранью русских владений: Россия по-прежнему не могла держать в Черном море даже торгового флота, не говоря про военный».¹⁴

С. Ф. Платонов подводит следующий итог аннинскому царствованию: «Десять лет продолжалось господство немцев, десять лет русские были оскорбляемы в лучших своих симпатиях и чувствах. Ропот не прекращался. Люди, пострадавшие от немцев, независимо от своих личных качеств, за то только, что они были русские, в глазах народа превращались в героев-мучеников».¹⁵ Здесь С. Ф. Платонов выразил мнение не одного поколения Российских историков. Работами этих ученых была создана устойчивая негативная оценка правления Анны Иоанновны, рассматривающая его как мрачный период российской истории, время, когда власть в государстве принадлежала людям малообразованным, бесчестным, руководствующимся только личными эгоистическими потребностями и желаниями в ущерб государственному. Время движения России назад в своем развитии. С легкой руки Бирона...

Так что авторы, рисуя в устах Вия нелюбимую и даже жутковатую картину этого персонажа, который действительно приходился пращуром матери Виельгорского, Луизы Бирон, недалеко от истины. Хоть и написал про него Пушкин, что «Он (Бирон) имел несчастье быть немцем; на него свалили весь ужас царствования Анны, которое было в духе его времени и в нравах народа», а все же нет дыма без огня.

Кратко скажем, что, впад после смерти Анны Иоанновны в опалу по делам своим, он однако же, пережил ее и умер 82 лет от роду в своем имении в Митаве. То обстоятельство, что перед смертью он выстроил на свой счет храм, не меняет его личины – по справедливому утверждению того же Гоголя, «где Бог строит церковь, дьявол пристраивает часовню».

Таким образом, Анна Виельгорская, в которую был влюблен Гоголь, и впрямь могла быть потомком истого посланца дьявола. А вот почему такой незавидный рок пал еще и на Екатерину Хомякову – об этом мы расскажем позже...

¹³ Анисимов Е. В. Анна Иоановна. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 362 с. – ISBN 5-235-02649-7

¹⁴ Курукин И. Бирон, – М., 2006.

¹⁵ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. – М., АСТ, 2017 г., 720 с. – ISBN: 978-5-17-097321-7

*Доктор Сигурд Йоханссон,
профессор истории Университета Осло*

Глава четвертая. Внезапные перемены

За долгожданным обедом в доме графа Виельгорского собралась вся его семья. Приглашенным гостем был знаменитый писатель Николай Васильевич Гоголь, чье присутствие было инициативой сына хозяина дома и, главным образом, его дочери, которая была неравнодушна к Николаю Васильевичу при том, что он, как казалось, отвечал ей взаимностью. После быстро пролетевшей закуски, собравшиеся, в ожидании основного блюда, решили обсудить творчество знаменитого гостя – как-никак, не каждый день он приходил к ним, хоть и был дружен с Иосифом Михайловичем.

Михаил Виельгорский

– Над чем вы теперь работаете, Николенька? – спросил участливо хозяин дома.

– В основном, переписываю ранее написанное. Даю отдельные разъяснения к «Ревизору», истолковываю некоторые свои статьи и эссе в «Выбранных местах из переписки с друзьями», – отвечал Гоголь. – Изволите ли видеть, моя давешняя поездка в Иерусалим многое изменила в моем отношении к ранее написанному. Я всегда считал, что основой деятельности любого литератора является научение людей и наставление, моральная сторона есть главная в литературном творчестве. Визит к святым местам открыл мне, что я все же в недостаточной степени придерживался этих истин. Также многое открыл мне в нашем разговоре Тарас Григорьевич Шевченко, которого я имел удовольствие встречать в имении моей матери в Сорочинцах...

– Да что вы?! Вы беседовали с Шевченко?

– И не один день. Он проживал у нас некоторое время, прежде, чем отбыл к своим родственникам в Киев...

– Однако, как мне кажется, он достаточно далек от церковных идеалов...

– Но он близок к самой главной религиозной идее – к служению. Ведь именно служение людям, а не бестелесному божеству есть главное угодничество и следование принципам веры, закрепленным в Святом Писании! Он хорошо это понимает, хоть и отказывается признать существование и главенство Бога. Но ведь не в этом суть...

– Однако, как ты заговорил! – всплеснул руками Виельгорский. – Еще неделю назад горло готов был перегрызть тому, кто хоть слово скажет в адрес Иисуса, а сейчас эдак залиберальничал...

– Ну что ты, Иосиф? – покраснел Гоголь. – Я ревностно верую в Иисуса, но не забываю самого главного, что несет нам любая вера – доброты и служения людям. Разве не к этому Он призывал в своих проповедях?

– Да, но такие, как Тарас Шевченко, должны быть вовсе изолированы от общества и отправлены в каторжные работы! – Иосиф говорил необычно, с несвойственной ему ранее злостью. – Он ведь, кажется, из крепостных происходит?

– Да, и что в этом такого? – не понимая, что происходит, лепетал Гоголь.

– Ничего особенного. Мы совсем забываем, кто мы есть и кто рядом с нами. Ты вчера сидел за одним столом с безбожником и крестьянином, а сегодня сидишь с нами, и хоть бы что...

– Мне уйти?!

Окружающие не успели заметить того молниеносно возникшего напряжения, что доселе добрый и миролюбивый по отношению ко всем, в том числе к другу Виельгорский вдруг создал буквально на пустом месте. Удивлена была даже строго и воинственно настроенная мать его, Луиза.

– Что на тебя нашло, Иосиф?! – резко заметила она. – Николай Васильевич, простите меня за моего неразумного отпрыска, который живет в плену каких-то средневековых предрассудков. Мне и в голову не может прийти, что он тут такое говорит...

Иосиф понял, что без причины перегнул палку.

– Прости, Николя, – покраснев и опустив глаза, забормотал Иосиф. – Конечно, я не хотел тебя обидеть или сказать что-то, что может быть воспринято тобой на свой счет. Просто, мне кажется, нами всеми сейчас владеет с легкой руки Белинских и прочих таких критиканов какой-то абсурдный повальный либерализм, который, как показывает история, нашу страну никогда ни к чему хорошему не приводил.

– Напротив, – улыбнулся отходчивый Гоголь, – мне кажется, что именно присущая русским доброта и понимание есть главные их отличительные черты, которые всегда характеризовали их с самой лучшей стороны. Разве мало тому примеров и иллюстраций в нашей истории?

– Много, да только что ж в этом хорошего?

– А что в этом плохого?

– Скоро узнаете. Вот как возьмутся все эти ваши доброты за ружья да вилы и отомстят вам всем за свои злоключения, тогда уж мало никому не покажется. Разве сейчас мало ведется разговоров об отмене крепостного права?

– Недостаточно, – отрезал Гоголь. – Недостаточно одних только разговоров. Понимаю, что убеждать в этом Его Императорское Величество есть дело заведомо пустое, но ты, как человек, приближенный к Наследнику, мог бы убедить его в необходимости скорейшего совершения сего законодательного акта.

– Да вот еще! Это абсурд! Оно было у нас всегда. Когда наш славный предок натолкнулся на поползновения обер-прокурора Сената Анисима Маслова дать определенные послабления крестьянам, то отверг их категорически, а также велел отравить этого негодяя и двурушника!

– И что в этом хорошего или, как ты говоришь, славного?

– Его настойчивость, которая не позволила оказавшейся в трудной ситуации России пасть на колени перед мужиком и благодаря которой мы все еще сильны и уверены в своей значимости!..

Виельгорский все распинался, а Гоголь смотрел на своего, кроткого доселе, друга и не мог его узнать. Он буквально сорвался с цепи, рвал и метал, его несло; казалось, дремавшая доселе в нем вековая бирюнова злость сейчас не могла найти себе выхода, срываясь на всех, кто был

рядом. Гоголь мог лишь строить предположения, что вспышка ярости есть следствие снова разбушевавшейся его болезни, что едва не унесла его.

– Не знаю, как вы, господа, – вмешалась в разговор Анна Михайловна, – но мне лично близки те высокие социальные идеи, которых придерживается Николай Васильевич и Шевченко.

– Ну это уж нам давно известно, что ты неровно дышишь к нашему гостю, только не надо складывать все яйца в одну корзину. Надо различать Николая как человека и Николая как писателя с его гражданскими взглядами.

– Как тебе не совестно? – не усидела уж на месте мать риторика. – Ты бросаешься такими фразами как «давно известно» и «неровно дышишь» в отношении девушки, что оскорбительно для нее. Она не замужем, и потому утверждать о том, в чей адрес и ка кона дышит говорить рано и вообще предосудительно!

Спокойная как удав Анна и внезапно взбесившийся Иосиф словно не слышали ее гневных восклицаний.

– Разделять Николая-писателя и Николая-человека я согласна, – говорила Анна о Гоголе как будто в третьем лице. Хозяин дома попытался было попросить у гостя извинения за ее тон, но Гоголю, казалось, уже начинала нравиться перебранка, которая разгоралась из-за его персоны за этим, более, чем уважаемым, столом. – Однако, не понимаю, какая именно часть его личности тебе претит? Он как человек или он же как писатель?

Иосиф не успел ответить – принесли горячее. Резкий окрик матери несколько остудил его чувства, и остаток обеда прошел в куда более мирном ключе. После, когда мужчины собрались в курительной комнате наедине с сигарами, Гоголь решил напрямую спросить у друга:

– Что такое нашло на тебя за обедом сегодня?

– А что, собственно, тебя беспокоит в моем поведении? Я сказал что-то лишнее? – все с тем же апломбом отвечал вопросом на вопрос Виельгорский-младший.

– Ты в самом деле не понимаешь? – уточнил его отец. – Приглашать Николая Васильевича на обед, чтобы в его присутствии сыпать в лицо ему оскорбительными высказываниями – истинно, до этого мог додуматься только потомок Бирона!

– Уверяю вас, Михаил Юрьевич, что ничего такого оскорбительного Иосиф не сказал... – попытался оправдаться Гоголь, но хозяин дома был непреклонен:

– И потом, зачем все это нужно было говорить при Ане, когда ты прекрасно знаешь ее отношение к Николаю Васильевичу?!

Сын смотрел на отца как баран на новые ворота. Он прекрасно понимал и отношение Анны к Гоголю, и действительную цель его визита, который, к слову сказать, сам и инициировал, и как будто своим молчанием делал вызов вопрошающему (или, может, самому Гоголю). Отец, натолкнувшись на гробовое молчание сына там, где следовало бы поговорить, махнул рукой и горько заметил:

– С твоими стараниями дочь никогда замуж не выйдет!

– А ты считаешь, что ей уж пора? – как ни в чем не бывало, спросил Виельгорский.

– Ты, насколько я помню, тоже до недавнего времени так считал?

– Так ведь кандидатов достойных нет!

Гоголь едва не подавился сигарой – конечно, ему и самому не хотелось отравлять судьбу Виельгорской преждевременным браком с самим собою, но подобного рода выпада в свой адрес он явно не ожидал.

– А как же Николай Васильевич? – все еще недоумевая, спрашивал Михаил Виельгорский.

– Так ведь он и сам считает, что ранний брак есть явление непродуманное и, прости, глупое. Не так ли, Николенька?

– Именно так, – покраснев и сделав какое-то глупое лицо, отвечал Гоголь.

Дальнейший разговор был скомкан и уже не представлял какого-нибудь серьезного интереса. Говорили в самых общих чертах на какие-то великосветские темы, про бал у Волконской, про благотворительные чтения Гоголем своего «Ревизора» в пользу бедных и про новую картину Тараса Шевченко. Всякий раз, когда Гоголь брал слово, Анна Михайловна буквально не сводила с него глаз, а Иосиф демонстративно злился, вызывая всеобщее недоумение. Было отчего – еще вчера он горячо ратовал за то, чтобы посредством сестры породниться с лучшим другом, а сегодня едва ли не копытом бил при одном упоминании имени Гоголя рядом с Анной. Никому и в голову прийти не могло, что роковую роль в изменившемся его отношении к приятелю мог стать давешний разговор с Языковым – потому, наверное, что заговорщики предусмотрительно сделали его тет-а-тет.

В окончание обеда Иосиф вышел проводить друга к калитке. Приятели старались не разговаривать – каждому было неловко: Гоголю за то, что пришелся не ко двору, а Виельгорскому – за свою неучтивость, которую он вяло оправдывал внутри себя состоявшимся накануне разговором с Языковым. И как только писатель исчез в переулке, вдалеке, на углу недалеко от Адмиралтейства, увидел Виельгорский странную фигуру – какого-то ряженого всадника с ятаганом в руке. Он не успел толком разглядеть его, увидел только его дьявольский изогнутый меч...

Тем же вечером Гоголь отправился на службу в секту «Мученики ада», в которой состоял вместе с Языковым. Недолгий разговор с поэтом в кулуарах доходного дома был посвящен странному поведению Иосифа Виельгорского за сегодняшним обедом, после чего по приглашению председателя все присутствующие – а их собралось более десятка человек – прошли в главную комнату.

Снова в пустынной большой зале среди доходного дома, снятого сектой, собрались люди в черных балахонах. Капюшоны скрывали их лица, хотя, казалось бы, не было здесь никого, кто не знал бы товарища своего, стоящего по правую или по левую руку. Они стали вокруг импровизированного аналоя, в центре которого стоял Гоголь, сжимая в руке свою страшную находку, привезенную минувшей зимой из Иерусалима – наконечник копья Лонгина, того самого, которым легионер Гай Кассий Лонгин, его далекий предок, то ли, как утверждали одни, убил Христа, то ли, как утверждали другие, облегчил его страдания на Голгофе. Во всяком случае, слова, что будут здесь сказаны, будут вознесены именно к копы и призывать будут того, кто две тысячи лет назад свершил дьявольскую справедливость над пророком.

Писатель вытянул вперед руку, сжимавшую наконечник – и в этот момент всем присутствующим показалось, что какой-то неестественный свет озарил комнату и сосредоточился вокруг дьявольского артефакта. Послышались славословия в адрес того, кто должен был прийти, ведь именно он так заманчиво выполняет всеобщие желания, забирая взамен сущий пустяк, который в наши дни уж никому не нужен – человеческую душу.

– Amen! Vivere! Veus! Molt! – слышался унисон голосов с разных концов комнаты, сливаясь в середине ее в сатанинский молебен. Голоса усиливались – при этом никто не мог вспомнить, что сделал голосовой акцент в тот или иной момент; казалось, будто какая-то сила свыше сама задавала тембр жуткому песнопению. Когда, наконец, они достигли своего верхнего предела, у задней двери в комнату появился он.

Жуткий всадник в римской белой плащанице, сжимавший в руках гнутый чертов ятаган, увенчанный исписанными в римской традиции латами и большим башлыком, скрывающим лицо и голову его от посторонних глаз, восседал он на огромном черном коне, взглянуть в алые, пышущие потусторонним светом, глаза которого не решился бы, пожалуй, никто из присутствующих. Лошадь била копытом, обжигала горячим дыханием своим рядом стоящих, но никто из них не в силах был пошевелиться – такой первобытный страх овладевал каждым, кто хоть раз в жизни узрел всадника Апокалипсиса. Он буквально сковывал все члены, превращал людей в соляные столбы, не способные, да и не желающие шевелиться.

При его появлении – тихом, безмолвном, объяснимом только дьявольским участием в сегодняшней литургии – голоса затихли. Всадник тяжело поднял руку с мечом – в сущности, это была даже не рука, а истлевшая от многолетнего пребывания в могиле кость с кровотокащими останками мяса. Рука его указала в сторону одного из адептов, стоящих даже не в первом ряду круга, который был образован у аналая. Гоголь обмер – ему этот человек был хорошо знаком...

Но затем ли они вызывали Вия, чтобы, будучи скованными страхом, испугаться подумать о желании своем? Нет, и потому человек в черном балахоне смело шагнул ему навстречу. Всадник поднял голову и уставился незримым взглядом своим в лицо того, кого он выбрал, определенно, чтобы облагодетельствовать в эту ночь. Еле видимая, воздушная нить вдруг связала глаза всадника и глаза адепта. Как будто воздушная масса образовалась между ними, и через нее всадник по имени Смерть втягивал в себя душу несчастного. Считанные секунды продолжился их контакт, после чего словно по мановению волшебной палочки всадник исчез, не издав ни звука – так же, как пришел, – а его спутник рухнул без чувств навзничь.

Какое-то время к нему боялись подходить, и только Гоголь решился прервать сонм молчания, ринувшись к человеку, которого он хорошо знал. Откинув башлык, он склонился над Языковым, который уже не подавал признаков жизни. Он попытался привести его в чувство, но все было без толку – он был мертв.

Глава пятая. Четвертый всадник Апокалипсиса

– Ваше благородие, вам две записки, – запыхавшийся Семен стоял на пороге спальни Гоголя в солнечное утро, наступившее пару дней спустя после смерти Языкова. – Одна от Волконской, – он протянул ему небольшой листок бумаги, содержание которого немало обрадовало Николая Васильевича.

Несколько месяцев до описываемых событий, когда Гоголь гостил в имении своей матери в Сорочинцах, что в Полтавской губернии, к нему туда приехал поэт Тарас Шевченко, что объезжал родные малороссийские места с целью увидеться со своими родными, что остались в крепостничестве в Киевской губернии. Тот самый Тарас Шевченко, которого накануне Иосиф Виельгорский – скорее даже, не по злобе и не имея в мыслях того, что говорил на людях – лихо отчитал и даже отказался числить в ряду славных русских поэтов только лишь по причине крестьянского происхождения. Ругая его, Виельгорский хотел было уязвить Гоголя за его излишний либерализм и неразборчивость в людях, но уел более своего отца – ведь именно он некогда устроил благотворительную лотерею, по итогам которой крепостной Тарас Шевченко и был выкуплен у помещика своего и отпущен на волю.¹⁶ Шевченко гостил в имении Марии Яновской недолго, торопясь поскорее приехать в Киев, где принимал его сам генерал-губернатор Малороссии Николай Григорьевич Репнин-Волконский – некогда герой Наполеоновских войн и видный государственный деятель. Манила его туда личная симпатия, что образовалась между ним и дочерью генерала Репнина, Варварой.¹⁷ Теплые письма писали они друг другу, и по всему было видно, что отношения их может ждать весьма романтическое и далеко идущее продолжение, однако, нельзя было ручаться за одобрение их связи со стороны отца невесты. Без сомнения, Репнин уважал и Гоголя, и Шевченко, но велик был риск того, что именитый дворянин примет ту же логику, что и молодой Виельгорский, и воспримет в штыки увлечение своей дочери знаменитым крестьянским поэтом. Гоголь вызвался помочь земляку в благородном деле устройства его судьбы – и ходатайствовать перед Репниным о благорасположении в отношении Шевченко, который может стать ему зятем. Сам же Репнин был дальним родственником той самой Зинаиды Волконской, что давала бал, на котором и состоялся разговор о сватовстве Гоголя к Анне Михайловне, сестре Иосифа. Волконская же была приятельницей и Гоголю, и всей семье Виельгорских, и потому писатель решил вовлечь ее в свои планы – она, по его замыслу, должна будет пригласить сановного родственника в гости в Петербург, где и состоится их с Гоголем разговор. Сказано – сделано, месяц спустя Репнин-Волконский пожаловал в имение родственницы с визитом.¹⁸

¹⁶ Шевченко Т. Г. Собрание сочинений в пяти томах / Под ред. М. Рильского и Н. Ушакова. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1948—1949. Т. 5. Автобиография. Дневник. 1949. 337 с.

¹⁷ Письма Т. Г. Шевченко к княжнѣ В. Н. Репниной («Кіевская Старина». Кіевъ, 1893)

¹⁸ Лямина Е. Э., Самовер Н. В. «Бедный Жозеф»: жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. М., 1999.

Николай Репнин – Волконский

– А вторая?

– И вторая от нее же.

Из содержания второй записки следовало, что накануне вечером Иосиф Виельгорский снова гостил у Волконской и, узнав о случившемся с Языковым несчастье, занемог. Старая болезнь – чахотка, – которая на глазах Гоголя единожды уже чуть было не унесла Иосифа, снова напомнила о себе. Ему стало плохо, повторялись приступы, буквально один за другим, и сейчас, говорилось в записке, он пребывает в очень болезненном и обессиленном состоянии. Оставить друга в беде Гоголь не мог – и уже час спустя он сидел у постели больного в доме Волконской на Фонтанке. Иосифу немного полегчало при появлении друга, но все же он был еще очень слаб, чтобы отправиться домой. Между тем, светские новости не давали ему покоя, и он выпытывал у Гоголя сейчас обстоятельства смерти Языкова. Понимая, что ему не следует всего знать, тот все же не решался утаить от него настоящей правды.

– Ты говоришь, что несчастье произошло с Николаем Михайловичем во время литургии?

– Именно так. Мне с самого начала не нравилось его увлечение подобного рода мероприятий, но поделать с этим я ничего не мог – болезнь сделала из него верующего, только в определенно кривом смысле. Он уверовал не в Бога, а в дьявола. Всерьез считал, что тот сможет помочь ему в борьбе с недугом, но, как видишь, все закончилось печально...

– Если ты был противником его сектантства, то почему принимал участие в служениях вместе с ним?

– Видишь ли, некоторые события моего недавнего прошлого заставляют меня думать, что я причастен к нечистой силе...

– О чем ты?! – испуганно подскочил Иосиф.

– Ничего серьезного, но все же мне просто жизненно необходимо разорвать ту порочную нить, которой Коля пытался связать себя с загробным миром.

– И потому ты решил посещать службы вместе с ним?

– Именно. Хотя понимаю, что в его смерти более половины моей вины.

– Отчего такая самокритичность?

– Оттого, что несколько месяцев назад внутри секты уже случилось несколько смертей. Умер Кольчугин, купец первой гильдии, которому я отдавал,.. вернее, пытался продать копьё Лонгина.

– То самое, что ты отыскал в Иерусалиме?

– Да, видишь ли, именно с ним я связываю все те зловещие, что произошли со мной и моими близкими последнее время.

– Но почему? Ведь, насколько мне известно, это христианская реликвия, призванная при жизни Христа для того, чтобы облегчить его страдания, что испытывал он на Голгофе? Ведь так?

– Не совсем. Реликвия сия скорее дьявольская, поскольку многими учеными неопровержимо доказывается, что Лонгин – легионер и носитель государственной власти в Иерусалиме тех лет – просто исполнил приказание своих начальников, убивая Христа с тем, чтобы предотвратить возможный поворот исполнения приговора, который готовился совершить Пилат. Прокуратора тяготило принятое им решение, он все время метался и хотел отменить приговор. А если бы Христос к тому моменту, который мог наступить в любую секунду, был бы жив, то это вызвало бы определенные негативные последствия для первосвященника и римской власти в Палестине. Можно сказать, общественное спокойствие висело на волоске, и потому первосвященник Каифа или кто-то из его окружения, или военные власти Иерусалима отдали Лонгину приказ ускорить естественное течение событий...

– Вот оно как, – задумчиво протянул Виельгорский. – И ты говоришь, что пытался избавиться от копья?

– Да, я хотел его продать нашему с Николаем товарищу по «Мученикам», купцу Кольчугину. И тот купил его. Правда, вскоре после этого скончался при невыясненных обстоятельствах.

– А что с ним случилось?

– Официальная версия говорит о естественной смерти. Хотя Саша Данилевский пытался провести расследование, у него ничего толком не вышло. Было решено остановиться на смерти то ли от остановки сердца, то ли...

– Но ты употребил слово «смерти»! Значит, среди «Мучеников ада» были еще человеческие жертвы последнее время?

– Были. Один молодой офицер, Рохмистров, пытался снова купить копьё. Я отказал ему. Тогда он задался целью отнять его у меня. Пытался ограбить и... исчез.

– Исчез? Как исчез?

Гоголь пока не решался раскрыть другу правду о всаднике, опасаясь быть неправильно понятым, и потому фактически ушел от ответа на его вопрос.

– Да вот так. Исчез и все. Никаких следов его не осталось. Третье отделение провело формальное следствие, и прекратило дело за отсутствием прямых улик.

– А Языков?

– А что Языков? Естественная смерть, такая же, как у Кольчугина. Можно было бы попросить о вмешательстве официальных лиц, но к тому нет повода. Ну и что, что в течение определенного промежутка времени умерло по обычным причинам два человека и один пропал без вести? Разве такое в прежние времена было редкостью? Ничуть. Обычное течение событий, со стороны. Но изнутри мне видится совсем другое – и то, что мне видится, угнетает меня ощущением своей причастности к смертям этих людей.

– По-моему, ты чересчур строг к себе. Нельзя винить себя во всех смертях, что случаются в нашем городе. Его климат плох, да и история оставляет желать лучшего – город, построенный на костях. Разве когда-нибудь здесь было лучше?

– Не знаю, а только со времени моего сюда переезда с Украины ничего хорошего со мной не случается.

– Разве наше с тобой знакомство не относишь ты к хорошим, светлым событиям своей биографии?

– Конечно, – улыбнулся Николай Васильевич. – Я имел в виду, что счет событий добрых и событий темных не равен. Последних в судьбе моей куда больше, что, среди прочего, и наталкивает на мысль о некоем темном знаменнии, что лежит на мне и всей моей семье.

– Оставь. Говорю тебе – повинен климат города. Мне в последнее время тоже являлись какие-то странные видения.

– Какие, например? – с неподдельным интересом насторожился Гоголь.

– Всадник.

– Всадник? Что за всадник?

– Такой огромный, на лошади. Будто бы в какой-то плащанице и с ятаганом в руке. Я сначала подумал было, что ряженный какой-то, а после вдруг вдумался и понял, что высота лошади его была где-то на уровне второго этажа дома, против которого он стоял. Ведь так не бывает... Потому я и понял, что это какая-то жуткая, мистическая галлюцинация... Он как будто сошел со страниц знаменитого «Апокалипсиса» Иоанна Богослова. Помнишь? Четвертый всадник... Всадник по имени смерть... Вот что еще скажу я тебе. Не знаю, как дальше будет проистекать болезнь моя, но желаю, чтобы ты знал, что в преддверии твоего визита к нам я имел разговор с Языковым. Мы провели его инкогнито, так что о содержании тебе уж никто, кроме меня, не скажет. Так вот он говорил мне, что ты... несешь на себе какую-то печать злой силы и что ничем нельзя допустить появления у тебя наследника, в том числе посредством сестры моей. Потому я и вел себя тогда за обедом так... вызывающе. Ты должен простить меня, я был будто в дурмане, как будто что-то потустороннее водило моим грешным языком, и я не в силах был остановить его...

Гоголь был ошарашен услышанным, но ничего не успел ответить – Волконская вошла в комнату и буквально вытолкала писателя оттуда, сказавшись, что тот болен и устал от столь продолжительного разговора. Доля истины в ее словах была – Иосифу становилось все хуже и хуже, сознание оставляло его, а кровавый кашель временами бил его худое и тонкое тело как будто молотом, заставляя сотрясаться и исходить болью. От природы бледный, subtilный и обладающий более, чем аскетичным телосложением, сейчас он лежал перед Гоголем практически как живой труп. Писатель ловил себя на самых скверных мыслях, стараясь их отогнать, но все было без толку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.